

Страстная история любви и предательства. Встретив ее, неуравновешенную, легкомысленную красавицу, он потерял голову. Однако жизнь способна преподнести безрадостные сюрпризы им обоим. В конце концов, после неизбежного разрыва и обид, казалось бы, вопреки всякой логике, они вновь вместе. Но быть вместе больше не имеет смысла.

Олег Ларионов

ПЕПЕЛ

ПОВЕСТЬ

Повесть опубликована:

О.И.Ларионов. «Пепел». Повесть. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА», Ленинградское отделение, Ленинград, 1990 г., 199 с., 4 усл. печ. л., оформление художника А.В.Малафеева, ЛКК «Редактор», 84.3 Р7 Л25

О.И.Ларионов. «Дембельский аккорд», «Пепел». Повести. Издательство «ЭКСМО-пресс», серия «Русский бестселлер». Москва, 2000 г., 352 с., 12,87 усл. печ.л., разработка оформления художников С.Курбатова и А.Старикова, УДК 882 ББК 84(2 Рос-Рус)6-4 Л 25 ISBN 5-04-005576-5.

Впервые отрывок из повести с предисловием редакции и рисунком Ю.Воронова опубликован в вологодской областной газете «Вологодский комсомолец» (№№ 123-125, октябрь 1986 г.)

I

Виктор Корин лежал на спине поверх одеяла, бессильно вытянув руки. Иногда открывал глаза - взгляд был тусклый, отстраненный.

Молодой человек был светло-русый, с крупными и приятными чертами лица, лет двадцати с небольшим. Товарищ его, Михаил, постарше, сидел рядом на стуле у изголовья, сокрушенно сжав кулаки, чуть подавшись вперед.

-Сколько дней прошло, Вить?

-Два.

-Тебе нужно показаться в больницу. Вызову машину, - Михаил собрался со стула.

-Погоди, - слабо прошептал лежавший. - Хочу понять, но не могу. В голове не укладывается...

-Не задавай лишних вопросов. Один западный писатель сказал, что совесть обычно мучает тех, кто ни в чем не виноват.

-Но... Здесь какая-то ошибка, - Михаил взял трубку, быстро набрал номер больницы, объяснил, в чем не виноват, - Виктор попробовал приподняться на локтях. - Что ж, другого выхода нет.

Михаил взял трубку, быстро набрал номер больницы, объяснил, в чем дело. Обещали заехать. Потом помог другу надеть шубу и сам оделся. Виктор надел очки-«капельки» во французской оправе с простыми чуть затемненными стеклами - скрыть синие отеки.

Вскоре в комнату вошла женщина в зимнем пальто, из-под которого выглядывал белый халат. Медленно спустились по лестнице на улицу. В «уазике» с красным крестом оказалось лишь одно свободное место, впереди, для больного (задняя часть машины была оборудована под носилки).

- Ищите его на нейротравматологии, - сказала сестра.

Корин сидел на скамейке в приемном покое, безвольно откинувшись назад. Доктор, молодой мужчина, поводил перед его глазами молоточком, заставил встать, вытянуть руки, закрыть глаза и дотянуться указательным пальцем до кончика носа. Корин промахнулся. Доктор задавал одинаковые вопросы, понимающе кивая, а в глазах его по-прежнему была внимательная изучающая беспристрастность.

-Вам необходимо лечь в больницу, - спокойно произнес доктор.

- А если нет?

-Возможны непредвиденные последствия, и весьма неприятные.

Ему не хотелось в больницу, оставалась еще надежда отлежаться дома, но он представил тишину своей квартиры, из которой хотелось бежать куда угодно, и произнес:

-Да! Согласен.

Теперь, по крайней мере, он будет избавлен от укоряющих наставлений

родителей, от их невыносимого молчания, которое хуже любых слов!

Ему выдали светло-коричневую больничную пижаму с короткими для него рукавами и штанинами, увели на рентген. После проводили обратно, в приемный покой.

В соседней комнате доктор, рассматривая снимки, тихо, чтоб не слышал больной, диктовал сестре:

- Перелом основания черепа, ушиб головного мозга, подкожная гематома.

- Помните, у нас в начале года был такой, - тревожно сказала сестра. - Через две недели летальный исход...

Врач ничего не ответил и вышел к больному.

- Вам причинены тяжкие телесные повреждения. Назовите людей, которые вас избили.

- Это мое дело.

- Нет, теперь это уже не только ваше дело.

- Не желаю выступать в роли жертвы. Драку начал я. И получил свое.

- Нам еще придется вернуться к нашей беседе. А сейчас... Вы очень плохи, молодой человек.

Его осторожно вывели на улицу и куда-то повезли на машине. Он очутился в тусклом длинном коридоре, кто-то говорил, что нет мест. Достали раскладушку, поставили ее прямо в коридоре у столика медсестры. Едва добравшись до своей временной постели, он рухнул лицом вниз, более не шевелясь, словно мертвый.

Мимо ходили больные, - женщины и мужчины. Неподалеку какой-то остряк распинался о том, что всех бабок привозят сюда потому, что они не могут поделить между собой участки по сбору пустых бутылок: стоит очутиться на чужом, и бабуся немедленно оказывается в травматологии с парой фингалов. Жалуются, что каждую зиму проводят здесь. А что же им делать больше, где ж можно поесть бесплатно харчей и провести время в обществе старых сплетниц! А вот мужчины, что попадают сюда, делятся на две группы: тех, что ловят преступников, и на тех, что ловят... тумаки. В последнем случае было в действительности употреблено более острое словцо, и потому среди женщин возникла на эту тему осуждающая дискуссия, что не помешало всем посмеяться. Корину казалось, что это сказали в его адрес, но ему было все равно.

Наконец, кто-то оборвал:

- Хватит! Здесь человеку тяжело. Потише!

И он погрузился в жуткий, не существующий мир.

Стоило закрыть глаза, и на него с бешеной скоростью начали нестись яркие картины, сотканые из геометрических фигур самых диковинных форм и расцветок. Звезды превращались в летящие струи полос, комет, искр. Казалось, крутился калейдоскоп, никогда не повторяющий своих слепящих узоров. А потом, сквозь ядовито-красный свет, озаривший мозг, послышалось множество голосов, они звучали одновременно и были похожи друг на друга, тембром, что ли, словно говорило сразу несколько репродукторов, включенных

на разные программы, но он отчетливо слышал и воспринимал каждый из них. Впрочем, нет, не воспринимал. Голоса говорили грамотным литературным языком, в нем проскальзывали научные термины, которые он никогда не встречал раньше, а грамматический строй был весьма сложен, безукоризненно точен и правилен. Но смысл речей не доходил до него, или дойдя, тут же угасал. Откуда они могли взяться у него в голове! Каждый из голосов был им самим; в нем пробудились сотни дремлющих «я», но тот, самый главный, который и есть он - исчез!

Корин открыл глаза. Страшно стало закрыть их вновь.

Так было два дня. Ему снились зловещие сны и, пробуждаясь, он долгое время не мог прийти в себя, воображая, что пригрезившееся - сущая правда. Он лежал в полуобморочном состоянии. Иногда на несколько минут наступало краткое прояснение, и тогда он чувствовал лишь постыдное бессилье перед всем тем, что случилось. Он был стерт с лица земли, его уже похоронили в подвальных коридорах больницы, и не оставалось никакой надежды вырваться отсюда. Погребение заживо казалось вечным.

Когда места освободились, его перевели в палату. Он лежал все так же неподвижно, напичканный снотворными и успокоительными, а когда их действие прекращалось, спрашивал у кого-нибудь сигарету, дотягивал кое-как, держась за стену, до курилки, накуривался, и вновь погружался в небытие. Ночами просыпался от бессонницы, и тогда его душил кошмар безысходности. В голове звучали одни и те же мысли, так и не находящие ответа. Он ни с кем не общался. Чужие, казавшиеся грубыми, лишенными всякого смысла фразы приговором звучали в давящем своими потолками каземате, наполненном тишиной.

Впрочем, он заметил со временем, что многие здесь погружены в тяжелые думы и ожидания. Вот черный парень, чеченец, кажется, вечно молчаливый, мало что понимающий по-русски. Он ждет, когда ему будут делать операцию на черепе и заменят раздробленную часть металлической пластиной. Травму он получил еще в армии. На операцию приехал специально сюда, на север. Здесь он чувствует себя спокойно. А там у них трудно попасть к хорошему врачу. Там, говорит он, процветают взятки. Денег же у него нет. Он молчит, иногда берет сигарету и исчезает.

А вот другой, с перебинтованной головой. Он бродит, пошатываясь словно изрядно выпивший, и несет несусазицу. Впрочем, многие из больных производят впечатление ненормальных, и, наверное, Корин в их числе, особенно когда он почти неслышно бродит по ночным длинным коридорам, где раздается лишь угнетающее гудение люминесцентных ламп и звук где-то падающих капель воды, одна выше, другая ниже: кап-кап, кап-кап. Они гаснувшим эхом отдаются и меркнут в пустоте.

Дни тянутся, не отмеченные ничем. Они просто исчезают - вне времени, вне осознания смысла и ощущения естественного течения жизни.

Все это время он смутно представляет своих соседей, хотя они заботятся о нем, приносят ему еду из столовой. Передачи родных - конфеты, пироги, фрукты - он отдает им. Иногда открывает глаза и видит своих товарищей по

несчастью. Вот двое сидят за столом и играют в простенькую игру, имеющую неприличное название. Ее атрибуты - шашки и игорный кубик с точками на гранях. Они бросают его по очереди, ругаются и шумно переставляют шашки. Он пересиливает себя и заставляет себя смотреть на то, как они подбрасывают кубик. Вот все, что он может воспринимать, но это, по крайней мере, лучше, чем не воспринимать ничего. Он смотрит на них несколько минут - ни единой мысли не промелькнет! - и потом, обессиленный, растворяется в ватном забытьи.

Теперь уже не важно то, что он избит, что выглядит, быть может, в глазах не знающих его людей обычным дебоширом - все ушло давно на задний план. Теперь важно только одно: вырваться из забвения ради того, чтобы понять, что же все-таки произошло. И еще ради того, чтобы те, из-за которых он попал сюда, знали: он не растоптан, они не доказали ничего. Впрочем, доказали. Но это уже другое...

II

Из окон палаты был виден морг, - длинное, одноэтажное здание из красного кирпича, и зал гражданской панихиды - невзрачное строение из белого кирпича с оцинкованными дверями. С утра вплоть до второй половины дня у зала толпились люди. Сюда привозили и отвозили венки всех видов, вносили гробы, подкатывали катафалки. Иногда утро начиналось более торжественно, с похоронного марша, исполняемого оркестром. Как правило, так было в тех случаях, когда хоронили военного. Тогда у дверей стояли в торжественном карауле солдаты с черно-красными повязками на рукавах. Если хоронили начальника, тоже нанимали оркестр, и еще до завтрака можно было слышать его утробные приглушенные звуки.

Рядом с моргом стояла пара голых тополей, а вокруг лежал снег, поверх которого тут и там были навалены груды отвратительного мусора: бинты, доски от ящиков, гофрированная бумага, остатки металлических венков и окурки, помои. К вечеру оцинкованные двери зала обычно наглухо закрывали, и двор пустел.

Корин выходил по утрам из палаты в коридор. Окна в коридоре смотрели на приемные покои. Туда каждые несколько минут подкатывала «Скорая помощь» - «Волга» или «Рафик», из них выносили или выводили пострадавших - с переломанными руками и ногами, разбитыми головами и лицами. Иногда тащили носилки, покрытые окровавленной простыней. Часто этих пациентов вскоре отправляли на «одиннадцатое отделение». Одиннадцатым больные в шутку называли морг, так как всего в больнице было десять отделений.

Становилось солнечно, далекое эхо весны нарушило забвение оцепеневших кварталов. Таял снег, обнажая пустые бутылки, сигаретные пачки, вороха мусора, тушки галок и ворон (зима была очень суровой). Чернели деревья. Корин предпочел курилку этим пейзажам. Наслушавшись там не оставлявших надежды рассказов возвращался в палату, где был новенький - тот не мог

шевелить руками.

Чернявый парень лет двадцати пяти, учитель физкультуры, энергичный и заводной, Анатоль, как его здесь звали, тут же спросил:

- Чего это так?

- Прыгали через «козла». Вместо ног почему-то приземлился на руки, - разъяснил новенький.

- Это ничего, - успокаивает Анатоль. - Видел Колю нашего? Ну так вот, он с крыши прыгал.

Коля был известный на все отделение дурачок, который «чокнулся» от полученной травмы. Тощий, скрюченный, с провалившимися щеками и глазами, он нелепо и благодушно смотрел исподлобья, как может смотреть только идиот. Его любимым занятием было «стоять на посту»: он безотлучно находился в месте встречи больных с родными и знакомыми и с радостью бежал вызывать кого-нибудь из палаты. Говорил он очень громко, протяжно, распевая окончания слов, словно утрируя какой-то деревенский диалект. В руках у Коли всегда была новенькая книжка Даниила Гранина, заложенная на тридцатой странице. В ожидании укола он ежедневно открывал ее на этой самой странице и угрюмо туда смотрел, пока не подходила его очередь. Так повторялось изо дня в день. Эта страница ему почему-то очень нравилась. Еще Коля чрезвычайно уважал людей в форме — военных и служащих МВД, особенно последних, потому что они часто появлялись для выяснения обстоятельств попадания сюда того или иного пациента. В таких случаях Коля панибратски хлопал работника милиции по погонам, как своего старого кореша, подробно выяснял, кого тому нужно, и с радостью пацана чуть не вприпрыжку провожал его до палаты.

Коля был очень услужлив и все поручения исполнял с образцовой добросовестностью. Самым своим большим другом он считал Анатоля. Это началось с того момента, когда Анатоль спросил его, нравится ли ему медсестра Аня. Он с обычной своей лучезарной улыбкой кивнул, ожидающе и бессмысленно смотря исподлобья. Аня, худенькая и симпатичная, как раз шла по коридору с набором шприцев.

- Так подойди к ней, объяснись! - на все отделение заорал Анатоль. - Аня, Коля тебя любит!..

Коля склонил голову набок, улыбнулся, намереваясь к ней подойти. Аня проплыла мимо, с усмешкой взглянув Анатолю в глаза.

- Бедняга! А ведь такое могло случиться с каждым из нас... - сказал, стоявший неподалеку тезка Корина, Виктор Иванович, молодой, добродушный и очень общительный человек.

Потом они вновь направились в девятую палату, так как осталось несколько минут до завтрака и нужно было помыть руки. С улицы доносились звуки траурного марша и при желании в окно можно было вновь наблюдать весь печальный обряд: вынос тела, катафалк, склоненные головы провожающих.

Виктор Иванович сказал, что он ко всему этому относится спокойно. Здесь, в принципе, можно неплохо подработать тому, кто не побрезгует

таскать, мыть и одевать покойников. Он старожил, уже лежал здесь, случалось, больные занимались этим. Бабка при морге была не очень довольна: они отбивали у нее заработок. Она требует от клиентов четвертной, они предлагают свои услуги за двадцатку. Бабка соглашается на пятнадцать - они снижают цену до червонца. Бабка не выдерживает конкуренции и ходит злющая. Впрочем, не каждый способен здесь работать. Взял он как-то в помощники соседа. Так того пришлось четыре раза откачивать нашатырем. Зимой там еще ничего, а вот летом такой запах, что с непривычки упасть можно. Если не примешь грамм сто-двести, вряд ли поработаешь, да и аппетит надолго пропадает. Особенно аппетит. Вымоешься тщательно, уйдешь в столовую, возьмешь в рот кусок хлеба, а он обратно лезет. Неплохо платят за гримировку трупов, тех, что поступают отсюда, с травматологии. Лично он перчатки каждый раз выбрасывал. А что, жизнь прижмет, станешь и этим заниматься.

Виктор Иванович был крупный рослый мужчина с небольшим животом. Несколько лет служил за границей в звании прапорщика. Голос его был волевым, решительным, в движениях сквозила полная уверенность в себе. Но при всей внешней неприступности и силе он обладал той глубокой внутренней интеллигентностью и чуткостью, не часто присущими и высокообразованным людям. В столовой он всегда первый занимал очередь и брал еду на всех, не успокаивался, если у кого-нибудь чего-то не хватало. А после окончания трапезы не считал унижительным прихватить и отнести вместе со своей и чужую грязную посуду и не забывал никогда позаботиться о тех, кто не мог ходить. Он несколько дней подряд клал на тумбочку перед Кориным все завтраки, обеды и ужины. Они сдружились, и Корин относился к тезке, как к своему старшему брату, а тот к нему — как к младшему, ласково называя «Витек». Он рассказывал ему много историй о службе, показал шрамы от ран.

III

Когда Корин возвратился после окончания Ленинградского архитектурного института в родной северный город, ему не долго пришлось работать по специальности - вскоре ушел в армию. И несколько месяцев работы оставили у него, в общем-то, радужные воспоминания: начальник отдела был на длительных курсах повышения квалификации, его замешала жизнерадостная, видная женщина тридцати пяти лет, которая сразу прониклась к нему необыкновенной симпатией. Он никогда не был перегружен рутинной работой, скоро сдружился со всеми в отделе благодаря обаятельной манере своей начальницы представлять работников в выгодном свете. К тому же у них нашлось немало общих интересов. Как-то раз они даже направились всем отделом на литературный праздник, что состоялся в районном городке, а уж на каждое открытие выставки какого-нибудь художника ходили непременно все вместе.

Когда он вернулся из армии летом восемьдесят второго года, город, на который он столько времени мучительно мечтал взглянуть хоть одним глазком,

стал чужим. Почти все друзья разъехались, и он с горечью ощутил свое одиночество. Жизнь без него шла своим чередом, вне всякой зависимости от того, был он здесь или не был. И это натолкнуло его впервые на странную мысль: вот так уходят люди навсегда, и очень скоро от них не остается уже ничего, кроме непрочной памяти малой горстки знакомых, памяти, что так зыбка, эфемерна и ускользающе-далека. Эта память со временем часто искажает истину, так что от нее порой, от ее изначальности и чистоты, тоже не остается ничего...

Ничто не удерживало его здесь, он собирался уехать навсегда в Ленинград, где жило много прежних друзей. Но у него ничего не получилось. Он возвратился на старую работу, хотя и там произошли значительные изменения. Вернулся начальник, которого он никогда раньше не видел, кое-кто из сотрудников успел уволиться. И началась работа, столь не похожая на прежнюю.

Оказалось, его квалификация никому не нужна. Нужны бетонные коробки, экономичные и простые, скроенные по одной и той же схеме.

С утра до вечера Корин был завален математическими расчетами уровня средней школы, он превратился в самого обычного технаря-вычислителя, рассчитывавшего чужие, стандартные и скучные проекты. Он внутренне протестовал, пробовал изобретать, но все его романтические потуги были подавлены могучим басом начальника. Нужны коробки, как можно больше коробок, потому что не хватает жилья. Возразить было нечего. Но для конвейерного производства безликих бетонных сараев вовсе не нужно учиться пять лет в архитектурном институте, достаточно каких-нибудь курсов. Впрочем, не достаточно. Надо еще родиться педантом без интересов, без стремления постигать жизнь во всех ее красках.

Зато когда - очень редко - приходилось разрабатывать примерный перспективный план развития одного из районов, шеф вызвал их, профессиональных архитекторов: на консультацию. То были светлые моменты в работе. Корин самостоятельно, в одиночку, сделал пару таких проектов. Вот тогда он жил, фантазия, заваленная несметным ворохом бумажных дел, просыпалась ото сна. Но увы, за все время было только два таких кратких эпизода.

Шефу «сверху» утвердили проекты и он решил подать документы на вступление в союз архитекторов.

А потом все пошло по-прежнему. Канцелярская переписка, расчеты, спертый воздух, нестерпимая внутренняя пустота и грусть... Словно идешь вдоль нескончаемой заводской стены среди омертвело-промышленного пейзажа, а когда оборвется, наконец, стена, и не знаешь, зачем шел. Работай до седьмого пота или дремли, думай или перестань думать вовсе - ни чего не изменится, ни смысл ежечасной суеты, ни перспективы. Наверное, многим потому и было на все ровным счетом плевать.

Однажды Корин разругался с шефом. Его очередные фантазии отклонили. От него требовалось то, что требовалось и прежде: быть придатком ЭВМ. И тогда он ясно понял: к черту! Он никому ничего не должен. Столько лет

прожито далеко не так, как бы хотелось. Насколько он помнил теперь, ему всегда приходилось исполнять чью-то волю и почти ничего не делать по своей. Довольно! Не для того он родился. Все равно, где работать, лишь бы в работе было творчество, лишь бы не топтать, словно никому не нужный мусор, способности и стремления, что рвутся на волю.

Корин неплохо рисовал и к тому же мог вырезать фигурки из дерева. И он пошел на завод, где выпускались изделия народного промысла. Работа не столь престижна, зато здесь он будет дышать свободно.

Как-то он беззаботно прогуливался по солнечному городу со своим новым другом Михаилом, работавшим вместе с ним на заводе художником-оформителем. Михаилу было тридцать. Друзья у Корина были или старше или младше его: ровесники переженились, ушли в семейные заботы, а его не удерживало дома. Когда они поравнялись с необычной конструкции семиэтажным зданием, Виктор Корин поманил Михаила пальцем:

- Зайдем сюда. Как видишь, это институт «Гражданпроект», где еще недавно я был бумажным червем. Они прошли по крытому голубым линолеумом коридору и остановились перед большим перспективным проектом жилого района, висевшем на стене.

- Обрати внимание на фамилию автора, - сказал Корин. - Это фамилия моего бывшего шефа. А теперь посмотри на номер машины, что нарисована рядом с домом: «76—81 МЕН». 76—81 - годы моей учебы в институте, Мен - институтская кличка, шутливая, конечно. Вот все, что от меня осталось. Делал проекты я.

И бежали веселые дни лета... Вскоре Корин устроился еще по совместительству ночным сторожем на своем заводе. Раз в три дня он приходил в двухэтажное здание заводоуправления со связкой ключей, располагался в одном из облюбованных кабинетов и занимался чем-либо своим в зависимости от настроения: вырезал фигурки из дерева или читал всю ночь напролет. Охранять там было, собственно, нечего, разве что отменно укрепленный склад и пару автомашин, да и те стояли за воротами, на которых висел замок.

Его совместительство никого не удивляло: сторожами и дворниками работали в основном инженеры и другие интеллигенты, зачастую оформлявшие вместо себя подставное лицо (иначе бы бдительная администрация не позволила им наскрести небольшой довесок к своему жалованью).

Самое удивительное, Виктор теперь зарабатывал в два раза больше, чем в «Гражданпроекте». И еще вдобавок у него появилось много свободного времени.

Помнится, шеф из «Гражданпроекта» как-то пожаловался на Корина, что тот хам. Его бывшая начальница очень удивилась и горячо протестовала: она знала его совсем другим. Но шеф был прав. С порядочными людьми он всегда вел себя порядочно и старался платить им добром. А с хамами он хам, с выскочками - выскочка, и точка. После армии он разучился потрафлять им и терпеть их. После армии что-то сорвалось в нем и - навсегда.

Виктор не слишком скучал на дежурстве. У него объявилось множество всевозможных приятелей, все моложе его, и он стал неожиданно среди них

кем-то вроде старейшины и наставника. Они никогда не оставляли его одного, даже когда этого ему хотелось. Все же разница в пять-семь лет в их возрасте была очень заметна, хотя внешне Корин мало чем отличался от них (он выглядел значительно моложе своих лет).

Он любил наблюдать за людьми, общаться с ними. Наблюдения постоянно откладывались в памяти, и порой стоило закрыть глаза, и по интонациям незнакомцев он мог в «десятку» угадать, о чем говорят сейчас эти люди, чем дышат. Он давно, казалось ему, научился чувствовать человека, что называется, за версту и находить контакт с каждым.

- В тебе есть то, что располагает ж откровенности, - заметил однажды Михаил. - Ты умеешь ладить с людьми, с которыми я бы сладить никогда не сумел.

Июнь двигался к концу. Была суббота, Виктор дежурил. В кабинет к нему зашел Михаил со спортивной сумкой на плече.

- У меня сегодня плохое настроение, - объявил он и поставил на стол бутылку мадеры (магазин был за углом и дешевое вино там не переводилось). - Уборщицы пока здесь. На часик, думаю, тебе можно бросить службу. Аида в Соборный парк. Машины никто не угонит.

Вскоре Виктор закрыл кабинет, не выключив свет. Было тепло, с реки тянуло свежим ветерком. В парке гуляло много молодежи, а на танцплощадке было еще больше: она свободно вмещала тысячу человек, а вплотную уместилось еще столько же. Давно он здесь не бывал.

Профланировали вдоль края овала, ограничивающего танцующих. И тут Виктор заметил группу девушек в окружении сержантов-сверхсрочников. Среди них стояла высокая гибкая девчушка, стройная и симпатичная. Она явно была из тех заводил-веселушек, которые всегда привлекали его внимание.

- Какова, а? - сказал Виктор Михаилу и весело кивнул в ее сторону.

- Я уже приглашал ее. Отказ.

Кто-то нечаянно толкнул девчушку, и она упала Виктору прямо в руки.

- Девушка, вы откуда, с неба, что ли? - спросил он, продолжая держать ее в руках. Она удивленно обернулась и он вблизи разглядел ее. Рослая, статная, белокурая... Она была чрезвычайно хороша собой. Такие лица с трудом уходят из памяти.

Тут объявили последний танец, и девушки пошли к выходу в окружении сержантов-сверхсрочников. Она и Виктор взглянули друг другу в глаза. Он вдруг решительно, сделав шаг к сержанту, сказал вежливо:

- Извините, можно на минутку вашу девушку?

Отвел ее в сторонку за руку с таким видом, будто они давно знакомы, продолжая пристально смотреть на нее.

- Не уходи... Присоединяйся к нам. Ведь вижу - он тебе безразличен...

Его откровенность обезоруживала.

- Какой простой, - усмехнулась она. - Погоди!...

Она быстро направилась с сержантом к выходу, но вскоре вернулась с подругой. Теперь они все вместе танцевали под безрассудно-зажигательную

песню:

Время мчится,
Юность не повторится...

- Когда отходит ваш последний автобус? - спросил Виктор девушек.

- В полпервого.

- Тогда у нас еще полтора часа. Прогуляемся?

Девушки стояли в нерешительности, но видимо, его тон вызвал к нему полное доверие. Они не торопясь шли по сумрачной аллее, потом по вечернему, но еще шумному городу. Остановились перед заводоуправлением.

- Что за здание, чье оно?

- В данный момент мое, - интригуяще сказал Виктор. - Зайдем?

Расположились в одном из кабинетов.

- А что вы здесь делаете?

- Сижу в приятном обществе, которому сейчас предложу отметить наше знакомство и выпить по этому поводу. Он продолжал отпускать шутки все в том же роде, с усмешкой поглядывая на блондинку. Звали ее Мариной.

- Что так смотришь на меня! - взорвалась она. - Пошли-ка выйдем в коридор.

Они вышли.

- Зачем кривляешься! Терпеть не могу таких проходимцев, как ты! Ухожу, а вы можете здесь оставаться, - и она решительно пошла прочь. Он догнал ее, схватил за руку и произнес уже другим тоном:

- Ну не надо... Я больше не буду так смотреть на тебя.

Несколько секунд она молчала, потом заметила спортивный велосипед, что стоял неподалеку.

- Твой?

- Ага.

Не говоря ни слова, она уселась на него и погнала по длинному коридору, едва не сделав в тупике сальто, по ошибке резко нажав передний тормоз.

- Не бойся! - засмеялась она. - У меня первый спортивный по вело.

Развернувшись, она набрала еще большую скорость, перелетела через порог прихожей в следующий коридор, и посшибала несколько стендов, которые с грохотом повалились на пол. Виктор опешил. Ее выходка казалась дикой, и все же в ней было что-то восхитительное. Сколько в ней энергии, безрассудства!

- Стенды повешу, - сказал он и поцеловал ее. Она оттолкнула:

- Отстань!

Дверь кабинета открылась, в коридор выглянул растерянный Михаил:

- Что тут у вас творится?

- Это мы в любви объясняемся, - пошутил Корин.

Они вновь сидели все вместе в кабинете. «Что было бы, если б сюда пришли с проверкой?» - подумал Корин и ему стало смешно. Михаил свободно болтал с девушками. Виктор же с Мариной чувствовал себя скованно, она противоречила ему во всем, пытаясь отпускать колкости при каждом удобном случае. Наконец, Михаил повел девушек на экскурсию по зданию. Виктор

открыл ящик стола, достал оттуда деревянную маску черта, протянул Марине:

- Держи, дарю. Ты спрашивала, чем я занимаюсь. Вот, стругаю такие штучки.

Он обнял ее. Она сделала вид, что сопротивляется. Потом ответила на поцелуй.

- Сколько тебе лет? - спросил он.

- Тебе-то что! Девятнадцать. Они молча разглядывали друг друга внимательно, их лица медленно сближались, и она сама поцеловала его робко. Тут отворилась дверь, и подруга Марины сказала:

- Нам пора возвращаться.

- Оставьте нам свой адрес, мы придем к вам в гости!

Он едва дождался утра. Потом сиганул на велосипеде домой, позавтракал, привел себя в порядок и поехал в общежитие, где жили девушки. Вот он перед пятидесятой, Мариной комнатой. Отворил дверь, там никого не было. На стене увидел маску черта, которую вчера подарил.

Он ждал долго, никто не появлялся. От девушек в коридоре узнал, что Марина с утра уехала куда-то.

Корин вышел на улицу. Она прекрасно знала, что он зайдет сегодня. И уехала! Сотни досадливых и ревнивых мыслей зароились в его голове. Банальный эпизод на танцах, пара поцелуев и объятий... А вот поди ж ты! Обожгла его всего. Такого, казалось, и не бывало с ним. И так легко забыла о назначенной встрече. Он словно бы до сих пор ощущал ее близкое присутствие. И понял почему: от его рубашки слабо пахло ее духами, жасмином вроде бы, запах был очень стоек и еще не выветрился. Раздосадованный он направился к Михаилу домой. Тот лишь со снисходительным сочувствием посмеивался над его обидой.

Вечером Виктор вновь зашел в общежитие. Ее до сих пор не было. Это его сразило окончательно, но он попытался делать бодрый вид и полушутливо разговаривал с девушками. До них донесся звук мотора легкового автомобиля, а через минуту он увидел Марину. В новых, отлично сидящих на ней джинсах, босоножках, красной атласной маечке с расплескавшимися по плечам белыми волосами и красочным пакетом в руке она легко шагала по коридору. Девушка выглядела еще красивее, чем вчера... Она сделала вид, что не обратила на него особенного внимания, наверное, мстя за то, что он сам не поздоровался, продолжая шутить с девушками.

- Вода в реке - во! - сказала она подругам, не глядя на него. - Парни звали меня костер жечь на берегу. Сейчас оденусь потеплее и поеду.

Ее вид заставил забыть обиду; она ослепила его, он ринулся за ней вдогонку, остановил.

- Так ты поедешь?

Несколько секунд она смотрела на него с испытующей иронией («Разве у тебя могут быть ко мне какие-то претензии? Мы и не знаем друг друга, мало ли что вчера тебе обещали»), потом ирония исчезла, она спросила кратко, и в голосе ее звучало окончательное решение:

- Хочешь, не поеду? Хочешь, будем вместе?

Он кивнул, сжимая ее руку.

- Езжайте без меня, ко мне пришли гости! - крикнула она с балкона. Корин, не отстававший от нее, глянул вниз, с четвертого этажа. Там стоял «Москвич» с распахнутой передней дверцей, двигатель его был включен, в салоне сидело четыре человека. Дверца захлопнулась, машина быстро развернулась и умчалась.

Они вышли на улицу, уселись на скамейке-качалке, висящей на цепях. Было уже совсем темно, их никто не мог видеть.

- Где ты пропадала весь день? Что это за люди? - спрашивал он, и в голосе его слышались и ревность, и откуда-то взявшаяся требовательность, как будто он имел какие-то права на нее.

- Просто мои знакомые...

- Почему ты не подождала меня?

- Я думала, все так, несерьезно, ты и сам забудешь...

- Скажи, у тебя есть кто-нибудь?

- Нет.

- Неправда, - сказал он с сомнением, и думал с горечью, что, наверное, все бы всегда прощал ей.

- Ну почему ты мне не веришь, почему!..

Больше они не говорили об этом. Ее голова лежала у него на груди, он ласкал ее волосы.

- Завтра я работаю, а вечером приходи ко мне, ладно? - сказала она с ребяческой наивностью.

- Где ты работаешь?

- На кране.

- Как высоко, выше нас всех. Они разговаривали тихо, прижавшись друг к другу, пока не стало холодно. Потом расстались.

IV

Ночные призраки постепенно рассеивались, но на смену им приходили воспоминания, обжигавшие душу, от которых хотелось кричать, бежать, броситься в отчаянии навстречу темной силе, заранее зная, что ты будешь растоптан и убит.

Еще и еще ему вспоминалось теплое бабье лето. В воскресный день, в том самом парке, где они впервые повстречались, проходили молодежные аттракционы и представления. На одном веселом конкурсе из множества сверстниц к большому удивлению Марины ее выбрали королевой красоты. Преподнесли букет роз, по-смешному суетливый репортер с неуклюжей сумкой на плече попросил попозировать ее перед фотообъективом и наспех подыскивал хороший ракурс для съемки. Потом кто-то предложил ей принять участие в передаче «А ну-ка, девушки!», которая будет готовиться на областной телестудии... А она, порхая, как мотылек, в цветастом своем

платице, размахивая свободно ручками (розы она тут же вручила Виктору), показала красное яблоко, которое протянул ей Виктор и которое она успела надкусить, сказала легко, со смехом:

-Смотрите-ка, хорошенькое, а внутри...- и она так курьезно сморщилась, что сразу стало ясно, насколько яблоко кислое. - Вот и я такая же. Так что не подойду я для вашей передачи, найдите кого-нибудь другого!

И они с Виктором ушли.

Их встретило приветливое запустение окраин и безлюдных заброшенных переулков, густые травы, какой-то многоэтажный, совершенно необычной формы недостроенный дом, очень похожий на большой средневековый замок с круглыми башнями. Они молча, не торопясь, брели по полю - она чуть впереди, - собирала ромашки. Обрывала лепестки, гадала звонко: «Любишь - не любишь...»

- Уехала бы отсюда, например, на крайний север. Что меня держит здесь - работа и ты, - призналась она. -Да что работа... Ничто.

Когда вышли на берег пруда, показала на отражение:

- А мы подходим друг другу. Нельзя нам расставаться!

Уже начинало пахнуть вечерней банной прелью, а солнце стояло над рощами так же высоко, будто и не сдвинулось с места, и прекрасное время остановилось для них...

- Тебя не тянет домой? - спросил он.

- Иногда. Но не очень. Я ведь давно мечтала жить одна. А теперь вот и общежитие надоело. А что, разве ты живешь как хочешь? - серьезно спросила она.

- Нет. Наверное, очень многие живут не так, как хотят.

Да, то была правда, и он жил далеко не так, как хотел. В нем дышало постоянное стремление найти себя в настоящей работе, построить новый фантастический город, не похожий ни на какой другой, который вырастет из властной простоты самой природы ее человеческим продолжением, как дерево рождается из земли, естественно и в соответствии с нерушимыми законами жизни; так церкви, возведенные предками, под гениальным взором зодчего превращенные в часть пейзажа, неброско и значительно восставали за береговыми кручами и изломами холмов... Этот город подобно растению с иной планеты, поразит неразгаданностью и сообразием, вобравшим в себя таинственное могущество самых неповторимых городов земли. И в нем будет не только волнующий душу лик, в нем и люди станут жить по-другому, более открыто и полно. И те фигурки из дерева, которые он вырезает сейчас на безвестном заводике, и в каждой из которых тоже ищет себя, отзовутся когда-то, ибо он постоянно придумывает тот заветный город, даже если строить его придется всю жизнь. В нем жил город. А в ограниченном и неустроенном бытии той, которую любил, ничего больше не было, кроме него, Виктора.

Она принялась выбалтывать свои девчоночьи пустяки, и он поймал себя на странно тревожной жалости к ней оттого, что она, наверное, не видит той разницы в их мыслях, которую так остро чувствует сейчас он, и которая, следовательно, отодвигает помимо воли его отношение к ней на более далекие

горизонты, чем ее к нему.

- Думаешь, мне интересно, что ты архитектор, что рисовать так хорошо умеешь? - с лукавым озорством улыбнулась она. - Да все равно мне. Будь ты хоть дворник! Совсем не потому с тобой я.

Ему казалось, на какие-то минуты он терял прежнюю влюбленность в нее, не позволявшую оценивать ее объективно, а ведь она по-прежнему любила его, не думая ни о чем...

В то лето открывшаяся страстная взаимность впервые за много лет вызвала в нем распространившееся на все проникновенное чувство полноты, и ему стало зябко от той черной бездны, в которую ранее так никогда и не мог заглянуть: неужели музыка, что звучала в них, неужели она не вечна, как мир, не всеобъемлюща, исчезнет вместе с ними; неужели она только в них, ничтожной живой крупине перед неподвластной взгляду бесконечности будущего, перед которой тысячи поколений человеческих, минувших и грядущих — ничто?..

Они не расставались ни на день, вчера еще двое незнакомцев, открывшихся друг другу во взаимном стремлении, прорвавшем паутину фальши. Непонятный, идущий словно бы вне их импульс толкнул их навстречу, и в нем, словно в ослепительной вспышке падающей кометы, открылась красота. Красота, в которой уже была трагедия, ибо она приоткрылась лишь на миг.

Эпизоды из прежнего во всей яркости и приближенности беспощадно просачивались в сознание, и его обдавало острой смертной тоской, от которой никуда нельзя деться. Тоска звала сорваться отсюда, она звала к действию, пыталась что-то оправдать и оправдывала то, что оправдать было невозможно, толкала исправить непоправимое, но он находился здесь, он был прикован к этой дурацкой постели, стоявшей в палате с низким потолком и спертым воздухом. Нет, уж лучше ни о чем не думать, лучше задушить в себе всякие порывы хотя бы на время, хоть с каждым днем, он знал, там, снаружи, за пределами больничного корпуса, уносилось то, что потом нельзя будет догнать вовеки.

А жизнь в отделении шла своим чередом. По утрам в палате появлялась уборщица тетка Маша, пожилая, говорливая и веселая женщина с моложавым, когда-то, наверное, привлекательным лицом. Она обычно ставила на пол ведро, откладывала в сторону швабру и начинала долгие и бестолковые рассказы о перебивавших здесь пациентах. Сейчас она посмотрела на лежащего почти в беспомощности Корина и посочувствовала:

- Ой, мальчики, мальчики! Вы ведь сами себя не бережете, голову свою подставляете. Надо поаккуратнее, поосторожнее.

- Случаи бывают, когда поаккуратнее никак не получается, - попробовал с бравурным равнодушием сказать Корин и поразился безжизненной хрипote своего голоса. В палату ворвался Анатолий, сообщил между делом, что на реанимации еще один «жмурик», что его сейчас в морг потащат, откупорил бутылку яблочного сока и преспокойно принялся потягивать его из горлышка. Мужчина с парализованными руками выронил из подмышки термометр, ртуть

растеклась по полу обилием мелких шариков. Корин ощутил оглушающую боль в голове, как будто ее стягивали множеством обручей, и закрыл глаза.

Из гипсовой, что была неподалеку, слышались популярные песни. В корпусе имелся свой радиоузел, и музыка, которую там прокручивали, звучала кроме гипсовой одновременно еще в операционной и физиокабинете. Ее включали обычно, когда шли сложные операции на конечностях — чтоб взбодрить врачей и пациентов. Музыка была так щемяще-знакома, и Корину казалось, что он задохнется сейчас, ему вновь хотелось сорваться с кровати, но он словно был опутан сетью с головы до ног и намертво привязан к койке. О боже, где Марина, что она сейчас делает, плохо ли ей?.. Нет, наверное, не плохо. Раз она решилась на это, значит, не плохо. Он уже в сотый раз приходил к такой мысли, в сотый раз она швыряла его в тупик, и все же где-то звучала надежда: она поступила наперекор себе, ведь он знает ее противоречивый горделивый характер. Но как же тогда она жестока! А может быть, просто глупа? Наверно, случилось то, чему он не придавал значения. Терпение ее иссякло, а он и не заметил. А может... Впрочем, здесь, в этих стенах, он ничего не сможет узнать, он может лишь гадать. А как бы ему хотелось! Просто понять, что же произошло. Это бы освободило его от многого. Понять до конца человека. И тогда бы он успокоился, что бы ни свершилось, пусть все отвернется от него. Единственное, что он желает - понять. Все до дна. Пусть будет горько и страшно.

V

Целыми днями грезилась ему только она. Если раньше появлялись сомнения в правильности того, что он ушел с больших и противоречивых перекрестков жизни, предпочтя им тихую безмятежную работу, потому что первая оглушенность независимостью прошла, то теперь забыл и думать об этом. Все ему казалось верным. Каждый вечер он виделся с ней, а когда дежурил у себя, она приходила к нему. Однажды, когда до исхода дня еще было очень далеко, он зашел в ней в общежитие. Оно выглядело вымершим, даже вахтера не было, через раскрытые настежь двери широкой рекой тек свежий воздух. Он отворил дверь ее комнаты. На столе - распечатанная коробка с тортом, бутылка сухого вина, аппетитно пахло жареной курицей (готовить она была мастерица). Она сидела на кровати, вязала. Улыбнулась ему молчаливо. Как же все-таки она была хороша!.. Вытянутый строгий овал лица, аккуратный тонкий нос, под высоким лбом невозмутимые и слегка насмешливые глаза, словно бы сознающие гордую притягательность, оттененные длинными густыми ресницами; маленький рот, утонченные, спокойно-значительные очертания скул. Легкий контраст, который составляли, с одной стороны, приятный загар кожи и цвет темно-карих глаз, и с другой, белизна волос, обрамляющих в славном беспорядке лицо ее, придавал ему романтическую таинственность, а высокий лоб спокойную строгость и внушительность. Она была похожа на актрису, призванную играть властных, своеобразных и красивых женщин.

- К чему такое пиршество? - спросил он.
- У меня сегодня зарплата. Она щелкнула ключом, заперев дверь.
- Пусть думают, что никого нет. Надоели.

Они ели отлично прожаренные куриные ножки, от которых разносился чудесный аромат. Потом Марина тщательно вымыла посуду и убрала стол. О, она была совсем иной, чем показалась ему в первый вечер, спокойной, домашней. Сложила высоко подушки, уселась на кровать, оперевшись о них спиной, и взяла вязание, но он подошел, отложил его в сторону. Обнял ее в порыве, она держала его на расстоянии еще, и сколько в ней было нежности, красоты и ранимости... Она воспламенилась в ответ в нетерпении, запрете и терзании... Но внезапно выскользнула и, как кошка, исчезла в другом конце комнаты. Всклипнула почти беззвучно, слезы обиды навернулись ей на глаза, она готова была разрыдаться от пережитых противоречивых чувств. Поправила платье и произнесла:

- За кого ты меня принимаешь!

-Ты мне нравишься. Очень, -сказал он без всякого чувства вины. В этом «очень» звучала неподдельная тоска по ней.

- И ты мне, - тихо проговорила она, и в оттенке ее голоса невольно прозвучали ноты растерянного признания и глубоко скрытого недоверия и страха. Но, кажется, уже другое было между ними, то, что все объясняло. То, что прощало. Горько-сладкое помрачение вновь толкнуло их друг к другу, оставшееся и оставленное растворилось...

Спустилась ночь.

- У тебя глаза глубокие, острые, - сказала она тихим странным голосом, и в нем не было ни прежнего страха, ни озорства, ни насмешки. Они молчали. Из коридора донеслись шаги ночного скитальца.

Он выглянул в окно. Черное небо было в звездах. Потом он увидел Марину, ее стройное и крепкое тело, ее красивую головку с распущенными белыми волосами, изящным носиком. Она мирно, безмятежно спала. Все в ней – и в лице, и в рослой статной фигуре было прекрасно.

Радужное утро захлестнуло радостью рождения дня, е е пробуждением и светом, что звучал в них обоих. Она была другой, нежной и участливой. Она улыбалась ему, словно сама жизнь.

VI

Он давно перешел на сигареты без фильтра и папиросы, хоть раньше не журил. Штуки на один раз уже не хватало, и тогда он сидел еще с минуту в курилке, делая вид, что слушает какого-нибудь рассказчика, а потом брался за вторую, хоть к горлу подступала тошнота, и было такое ощущение, что ему не подняться, а если он поднимется, то непременно упадет.

Неопределенность изглодала хуже неизлечимой болезни. Сколько же тянулась эта нить? Много месяцев. Казалось, она никогда не оборвется. Но она оборвалась. Еще недавно он строил догадки и много бы дал за то, чтобы знать, что будет с ними через год, чтобы заглянуть в будущее хоть краем глаза. Но

теперь будущее его больше не интересовало. Она где-то рядом, но он не может знать о ней ничего. Ревность и неопределенность жгут на медленном костре, терзают в клочья, значит, она еще живет в нем. Но лучшее растоптано, и ничего поправить нельзя. Он знает это, но все равно она упрямо живет в нем, как биение собственного сердца.

Вспомнились лица врагов. В суженных зрачках острая, как бритва, ненависть. На другом лице ухмылка, не выражающая ничего, кроме удовольствия от очередного развлечения. Пока Виктор стоит на ногах и может защищаться, ненависть направлена в него, словно лазер. Но вот он падает, и значит, его можно безнаказанно пнуть в живот, грудь, лицо. И теперь ненависть сменяется ликованием. Он думал, есть какая-то грань человечности. Оказывается, у них ее нет. Есть только страх перед возмездием. Но возмездия не последует, и потому грани нет. Он еще уклонялся от пинков. Даже вскочил на ноги. И тогда увидел в руках того, ухмыляющегося, бутылку, какие принято называть «огнетушителями». Он больше не хотел драться. Он еще верил в предел. Еще верил в то, что делает человека человеком. И потому не уклонился. Хотя бы мог это сделать. Он верил. И потому окружающее внезапно исчезло в темноте.

Он не знал, сколько пролежал на каменном полу лицом вниз. Когда открыл глаза и попытался встать - вокруг лежали стекла разбитой бутылки - у него ничего не вышло. Он не мог подняться. Марина вытирала полотенцем струящуюся из его рта кровь.

-Убирайся! - прохрипел он, собрав последние силы. Беспомощный, он ниоткуда не ждал поддержки, презирал ее. - Убирайся... Она плакала. Но ушла.

Кто-то издали швырнул стащенные с него пиджак и рубашку, и они упали рядом на кучу окровавленных осколков. Рубашка была испачкана кровью. С огромным трудом, цепляясь за газовую плиту, ему удалось подняться на стул, а потом встать на ноги. Дверь в комнату Марины была настежь распахнута, и там - ни души...

- Есть здесь Виктор Корин? - спросил зашедший в курилку больной.

- Есть, а что?

-Следователь пришел. Ждет.

«Дожил, - подумал он. - Свобода... Любовь... Следователь.» Он достал очередную сигарету и закурил. Потом поплелся к своей палате. За дежурным столиком медсестры сидел человек в милицейской форме, в звании старшего лейтенанта.

-Почему так долго не шел? - спросил тот.

«Долго, - подумал Корин. - Разве выкурить одну сигарету долго. Ах, да... Это у меня, вот здесь, время потеряло всякую значимость. А он ведь на службе, у него каждая минута в цене, жизнь в нем бьет ключом, и тогда каждая минута в цене...»

- Присаживайся.

В коридор, неподалеку от стола, вышли больные якобы посмотреть в окно. Корин взглянул на них и сказал:

- Пойдемте за другой столик, он там, в конце коридора. Там мне удобнее будет.

- Пожалуйста, мне все равно. Итак, начнем с того, что мне все известно, - и следователь назвал фамилии тех, по чьей воле он лежал сейчас на нейротравматологическом отделении.

- Кто вам рассказал?

-Ваша мать очень беспокоилась и сообщила, где ты находился в тот день. Остальное, как говорится, дело техники.

Следователь несколько не договаривал. Ему были известны лишь фамилии, да и то предположительно со слов вахтера общежития, об обстоятельствах инцидента он имел не слишком ясные представления, чего Корин, однако, знать не мог.

- Мои чувства оскорбили на глазах у всех, и я ответил, потому что мне нечем было больше ответить, - с горечью произнес Корин, отвернулся и замолчал. Следователь быстро записывал малоразборчивым мелким почерком.

- Да, - раздумывая, произнес он. - Придись такой вот удар бутылкой как-то иначе, и ты был бы убит. Повезло. Счастливая случайность. Вот, - он протянул Корину исписанный с обеих сторон стандартный лист. - Распишись.

Положив бумагу в папку, старший лейтенант быстро ушел. Посидев еще с полминуты на стуле, Корин направился к одному из окон в коридоре, оперся локтями о подоконник. Перед приемным покоем остановился микроавтобус «Скорой помощи» и из него на носилках вынесли окровавленное тело. Одна рука безжизненно свисала с носилок и покачивалась. Через несколько секунд санитары вновь сели в машину, и она, дав лихой крен, мгновенно умчалась. Виктор отвернулся и опять отправился курить. Потом зашел в палату и, не говоря ни слова, лег на кровать.

- Ну что, допросили? - спросил тезка.

-Да, - ответил он глухо, без всяких эмоций и закрыл глаза. Больше у него никто ничего не спрашивал. Повернулся на левый бок к стене, проглотил сразу две таблетки димедрола - их не ел сосед и скапливал в тумбочке - и скоро почувствовал, что окружающее покрывается для него безразличием, и он как будто идет, нет, уплывает в какую-то вязкую пустыню из теплого снега...

VII

...Потом, после той ночи у нее, они поехали к ней домой. Марина жила далеко, и им пришлось полдня провести в приветливом забытом городишке в ожидании пересадки на другой автобус. Пообедали в почти пустом просторном ресторане, медленно попивая сок, потом бродили под руку по солнечным улочкам. Она склонила голову ему на плечо, теплый ветер нежно расплескивал по лицу ее волосы.

- Мне хорошо с тобой, слышишь? - проговорила она по-детски, и, видя его бесстрастное выражение, снова прильнула к нему. - Ты слышишь?.. Ничего мне больше не надо, только бы ты рядом был... Ты хороший, - шептала она

вкрадчиво. - Ах, какой ты сладкий, мальчик мой... Мальчик мой, - повторила она с тихим блаженством. - Мне нравится, что ты старше меня, - она теребила его руку, словно кошечка. - Слышишь?.. Я думаю о тебе только, когда тебя рядом нет. Из головы ты у меня не выходишь. Что случится, все думаю, а что бы ты сказал, как бы ты поступил. Я совсем пьяная от тебя. В первый вечер ты почему-то не понравился мне совсем, слишком самоуверенным показался.

- Мы с тобой разные, - сказал он, внимательно ее выслушивая. - Потому я тебе и не понравился. Помнишь наши мелкие стычки первое время?

- А ведь мы с тобой давно уже не ругаемся, правда? Мы с тобой, как кошка с собакой в одной квартире, ужились.

- А как ты обижалась вначале на мои шутки!

-Мм. Умный ты для меня слишком. Свысока поглядываешь, наверное. Она остановилась перед киоском, где велась распродажа лотереи «Спринт». Проигрыш следовал за проигрышем, но Марина не отходила.

- Меня отсюда не оттащишь, пока вся не проиграюсь, -засмеялась она. - Теперь понимаешь, почему я не привыкла получать меньше двухсот. И еще потому, что терпеть не могу брать в долг. Лучше сама кому угодно одолжу.

Корин знал, то была правда. Месяц назад она из жалости дала сотню какому-то малознакомому столичному проходимцу, а тот, оказывается, выдумал свой адрес.

Они уселись поудобнее, она с совсем детской доверчивостью положила голову ему на грудь, обняла его, задремала. Она не стеснялась никого, ей хотелось, чтоб все видели, что они вместе. Но ей не спалось. Женщина, сидевшая впереди, часто откидывалась в кресле, так что его спинка слишком плотно приближалась к коленкам Марины. Та вспылила, и между ними разразилась перепалка. Женщина пошла на попятную, но Марину трудно было остановить. Виктор сильно сжал ее руку, что ее слегка остудило.

- Видишь, все улажено, а ты остановиться не можешь, - тихо произнес он ей на ухо. - Ну и взрывная же ты!

- Я не виновата, что такая родилась! Нельзя меня трогать. Псих я, понимаешь. Знаешь, какая у меня кличка в общежитии? Дикарка. Я всех ребят лупила, которые ко мне приставали. Теперь ко мне подходить боятся. Но я не злая. Я отходчивая.

«Не потому ли она так сильно задела меня, понравилась, - подумал он. - Своей непримиримостью, воспламенимостью. Она тверда, ее не сломишь. И совсем бесстрашна. На чужое мнение ей плевать. На компромисс она не пойдет никогда. Ну и конечно, она красива...»

- А тебе у нас все до лампочки, - помолчав, заметила Марина. - Завидую спокойным людям. Мне бы такой быть.

- У меня есть барьер, который нельзя перешагивать. Если его перейти, я становлюсь другим.

- Пока я его что-то не видела, — сказала она и запела тихонько, влюбленно его разглядывая:

«А ты такой холодный,
Как айсберг в океане,
И все твои печали
Под темною водой ...»

Автобус остановился у широкой реки, пассажиры вышли. Теперь они переправлялись на пароме. Пока стояли у перил, она не давала ему покоя, толкала шутя, потом схватила за руку, повлекла за рубку:

- Там никого нет. Я целоваться хочу с тобой. Долго-долго. Чтоб умереть от поцелуев. Ой, нет! Не надо умирать. Мне так жить хочется!...- и закружилась по парому.

Старинный городок стоял на берегу Белого озера. Был вечер, на улочках никого. Они под руку шли по проселочной дороге, завернули во двор деревянного двухэтажного дома.

- Ой, деточки мои приехали! - услышал он радостный голос. Женщина оставила на лавке белье, которое она развешивала во дворе, побежала им вслед. Она была так приветлива, что казалось, давно и хорошо знала Виктора. Он подумал, Марина уже рассказывала своей матери о нем и, наверное, много. Она была пожилая, суетливая, значительно ниже дочери ростом, лишь до плеча ей.

- Что же вы не предупредили-то нас, что же не предупредили!

Отец, высокий, угрюмый, протянул Виктору свою большую руку. Обстановка в комнате была простой, даже слишком. Вещи разбросаны.

- Почему такой бардак! - вскипела Марина, взглянув на стопку немытой посуды и тут же отнесла ее на кухню. - Пыль на подоконнике. У вас что, руки не доходят, чтоб держать квартиру в порядке! - она скатала половик и вынесла его в коридор. Потом направилась на исследование соседней комнаты. Отец бессловесно ходил за ней по пятам. Было видно, он души в дочери не чаял. Лишь иногда растерянно повторял, словно собираясь что-то сказать в оправдание:

- Марина... Марина... Но та уже энергично гремела посудой на кухне.

- Этот суп вылить давно пора! Ты посиди, посмотри телевизор, - сказала она ласково Виктору, - а я ужин приготовлю. Они у меня как дети!

Виктор расположился на диване перед телевизором, рядом с ним уселась Маринына мать.

- Ты не стесняйся, Витя, мы люди простые. Видишь, какой она у нас атаман, - посетовала весело мать, так чтоб и Марине из кухни было слышно. - Мы тут все перед ней по струнке ходим. Характер-то мой, а нутро отцовское. Отцова дочь. Не стоишь ты своего Вити, не стоишь, слышишь? Парень-то видный какой, разговорчивый.

- А мне нравится, что она у вас такой атаман, - сказал Виктор, смеясь.

- Хлебнешь ты еще с ней горя, - убедила мать, но потом сказала: - Болела я тут целый год. Как понервничаю, экзема на руках выступает, и работать никак не могу. Медсестрой я. Так она каждый месяц половину своей зарплаты высылала. Да и посылок еще отправит не одну с чем может. Ничего не жалела. И сейчас ничего не жалеет. А самой, наверное, тоже, что помоднее купить

хочется. Мы ей ничем не помогли, сама себя одела. А готовит как! Я так не умею.

- Да, очень вкусно готовит. Спрашивал, где научилась. Говорит, сама.

Марина выглянула из кухни, спросила с любопытством:

- О чем вы здесь?..

Потом принесла в блюде салат, сковороду с жареной картошкой, консервы. Аккуратно разложила картошку по тарелкам. Виктор сразу разговорился с ее матерью. Дочь с отцом помалкивали. Отец лишь поддакивал, Марина ласково улыбалась.

- Сватался тут к ней один грузин, - рассказывала мать, - каждое лето приезжал торговать фруктами на своей машине. Контейнеры отдельно отправлял товарным поездом. Ходил за ней, как привязанный. Деньгами швырялся, ужас, чего только не подарил. Золотую жизнь обещал у себя. А она под горячую руку его из дома выпроводила. На том и расстались.

- А он мне не нравился, - сказала Марина. - Думала иногда, раз так меня любит, может, и впрямь замуж выйти. А потом сказала себе нет, не стоит.

Отец не задавал Виктору никаких вопросов - ни где он учился, ни кем работает. Казалось, ему это безразлично. Он лишь иногда смотрел на него с некоторым удивлением, как на нечастое явление природы.

Наконец, ужин закончился, Виктор вышел из-за стола. Марина стояла рядом с ним с золотыми, разбросанными по плечам волосами, юная, свежая, ослепительно красивая, словно эллинская жрица, она загадочно улыбалась, украдкой поглядывая на родителей, и в ее взгляде светилась нескрываемая гордость за него.

Через день рано утром они уехали. Был понедельник.

VIII

У входа висела написанная красной тушью табличка:

«Внимание! В виду эпидемии гриппа карантин».

Однако на нее не обращали внимания. Во всяком случае, к Корину, как к тяжелобольному, дежурная из жалости украдкой пускала посетителей. Сейчас к нему зашел работавший вместе с ним на заводе Михаил.

Невысокий, но подтянутый и энергичный, он носил очень короткую стрижку. Серые, всегда внимательные, словно готовые ко всякой неожиданности, глаза его смотрели хладнокровно и прямо, в спокойном выражении лица было что-то негибкое, волевое. В сочетании с короткой стрижкой его вид впечатлял в определенном смысле: известный тип поддатого воскресного народца, ищущего, кого бы шибануть и задеть, всегда обходил его стороной. И это была не лишняя предосторожность: Михаил много лет занимался карате. Когда секции по этой борьбе запретили, он продолжал занятия в узком кругу знакомых. Он и сам не раз ловил на себе настороженные взгляды прохожих, причину которых не совсем понимал, и потому поинтересовался на сей счет предположениями Виктора. Тот признался, что в его лице «что-то есть настораживающее». Михаил, однако, был совестливым и порядочным

человеком. Если бы ему даже пришлось когда-нибудь участвовать в потасовке, он никогда бы не превысил предела необходимости.

Михаил протянул лежащему на кровати Виктору руку, спросил со свойственной ему сдержанностью:

- Ну как дела?

- Пока плохие. Не могу восстановить в памяти полностью некоторые эпизоды. Много моментов словно куда-то провалилось.

- Да, - проговорил Михаил сокрушенно и замолчал, кивая медленно головой и, казалось, о чем-то размышляя.

- Знаешь, у нас тут молодой учитель физкультуры лежит, Толик. Разговорились, утверждает, тебя знает. Вечно где-нибудь околачивается.

- Толик, ах, да. Мы знакомы. Оригинал в своем роде. Ездил я с ним в турпоход, дал слово, что никуда с ним больше не поеду. Его остроты набивают оскомину. Ни о чем нельзя поговорить, все низводит к какому-то своему стандарту. Или притворяется, или на самом деле такой. Заговоришь с ним о женщине, понравилась, мол. А он в ответ: «Да брось, пищевод и желудок у нее как у всех, и все остальное тоже. Признайся уж честно, что в постель ее затащить хочешь поскорее», - Михаил старался рассказывать с юмором, копируя манеры типичного оболтуса и заводилы, но видно было, не дающая ему покоя мысль бродила упрямо в его голове.

- Вот что, - сказал он другим тоном, не выдержав, хотя до сих пор не хотел утруждать Виктора разговорами о неприятном. - Я долго думал над историей, что произошла с тобой, и пришел к выводу: такие вещи нельзя прощать. Знаешь, много лет назад со мной приключился один случай, я тогда еще тебя моложе был. Шло лето, я ехал с девчонкой на мотороллере и остановился на перекрестке. Рядом стояла «Волга». В ней сидело человек пять, развязные парни, много старше меня. И вот один из них докурив сигарету, посмотрел с похотливой издевкой на девушку - на ней была миниюбочка - прицелился и стрекнул дымящий окурок ей в ногу. Сколько уж лет прошло, но как вспомнится мне тот случай - такая ярость вскипает во мне! А я ничего не могу поделать, ничего, как не мог и тогда. Есть люди, которые считают, что имеют право кого-то унижить, если чувствуют полную свою безопасность. Так, ради забавы. Позапрошлым летом я был на пикнике. У нас там убили человека. Тоже ради забавы. Просто так. Убил его тип, вроде того, что ударил тебя бутылкой - дебилый, подлый, много раз судимый. И знаешь, ему дали удивительно мало - всего два года. Или нашли какие-то смягчающие обстоятельства, или что-то не могли доказать. Два года - а человека нет! И я знал его - хороший, всегда уравновешенный парень. Почему-то воры и мошенники получают теперь гораздо больше. Человеческая жизнь, очевидно, стоит дешевле денег. Я собственными ушами слышал, как дегенерат тот говорил позднее: «Пришью еще кого-нибудь в следующий раз, совсем ничего не дадут». И я подумал: никогда не нужно оставаться одному. Надо, чтоб всегда за твоей спиной были люди. Будь ты трижды прав, если ты один, тебе ничего не доказать.

- Поверишь ли, но я даже зла к ним больше не питаю, - сказал Корин. -

Как к больным.

- Ты слишком великодушен, - отрывисто проговорил Михаил. – Они не больные, больной ты. Не надейся, они не умрут от угрызений. Они поймут только силу. Я вообразил себя на твоём месте. Ты поступил необдуманно, поддался чувствам. Но кто знает, как бы повел каждый из нас в такой ситуации. Провокация, причем на самом низком уровне, и ты на нее поддался! Понимаю, ты не ожидал ее от близкого тебе человека, потому все так и обернулось. Не знаю, встретитесь ли вы когда-нибудь с ней, что она тебе скажет - ваше дело. Но с ним... Если с ним не хочешь расплатиться ты, предоставь такую возможность мне.

- Не стоит, - сказал Виктор. – Я не хочу им мстить больше. Я просто представил, как все случилось - дико, глупо. А уголовник тот всегда питал ко мне неприязнь, почему, не знаю.

- Да, вот так мы плодим подонков, - Михаил был несгибаем. - Много стали у нас говорить о гуманизме и о правах - правах убийц. Пойми, подлость не может оставаться безнаказанной. Пусть ее прощает закон. Я ее не прощу. Все, больше ни слова. Считай, это мое дело. Я найду этого человека. И с ним станет то же, что он сделал с тобой.

IX

Михаил допоздна малевал плакаты к празднику в конторе, в то время как там дежурил Корин. В мастерской, стены которой были расписаны под некое подобие пещеры, в углу висел на пружинных растяжках толстый полутораметровый чурбан, изображавший фигуру человека. На чурбане грубо вытесаны голова, нос, уши, талия. К «плечам» и «тазу» прикреплялись болтами металлические конечности из водопроводных труб. Все уязвимые точки оклеены толстой резиной. На чучеле в перерывах между работой Михаил проводил каратистскую разминку, энергично избивая его руками и ногами. В такие моменты чурбану приходилось очень туго - он метался в различных направлениях с реактивной скоростью под лязг пружин. Правда, изобретение имело серьезный недостаток: его металлические, поднятые вверх «руки» в самый неподходящий момент, повернувшись на болтах, могли «втемяшить» вам по голове, особенно когда вы открывали дверь в мастерскую.

Надо сказать, в карате Михаил видел не просто спорт, а философскую систему и школу психического и морального самосовершенствования вроде йоги – вполне в соответствии с воззрениями основателей и сэнсэев. На тренировках скрупулезно выполнял традиционные ритуалы - поклоны и приветствия, ставшие для него священнодействием. В каждом движении он усматривал более, чем простой механический смысл.

На сей раз Михаил оставил свое бревно в покое, так как было поздно и мускульный запал его иссяк. Они с Виктором занялись другим: принялись расчищать шкуркой найденные в брошенном доме доисторические вещицы: медные ручки с витиеватыми узорами, печные дверки с искусными барельефами, раскладывали на полу старинные медные монеты из покрыв-

шегоса липкой пылью чугушка.

Тут Виктору показалось, что под окнами кто-то ходит. Он выглянул в окно - никого. Бесшумно падал снег - шел февраль. Потом история повторилась - там явно находился некто, не желавший выдавать своего присутствия, он понял это по сухому скрежету листа железа, что лежал во дворе и заметить который в темноте было трудно. Виктор вышел в коридор, открыл дверь, выглянул на улицу и нос к носу столкнулся с Мариной.

- Кто у тебя здесь? - бросила она на ходу, не говоря больше ни слова, и, почти оттолкнув его, метнулась в коридор. - Кого ты здесь прячешь? Я слышала голоса. Говори!

Виктор снисходительно мягко улыбался. Она вдруг что-то сообразила, решительным шагом направилась к мастерской, рванула на себя дверь и остановилась.

- Привет...

Михаил удивленно поднял на нее глаза.

- Марина? Привет.

- Видишь ли, Миша, - объяснял Виктор, - я в последнее время не настаиваю очень, чтоб мы слишком часто встречались. Одному тоже побыть хочется, своими любимыми делами заняться. А Марина считает, что я ей изменить собираюсь. Она думает, у меня других интересов нет, как думать, как бы ей поудачней изменить.

- Не знаю, что с тобой тогда будет!

- Вот видишь, - сказал Виктор. Михаил улыбался чему-то своему. Она смягчилась внезапно, опустила голову Виктору на плечо и больше не спускала с него глаз. Михаил вскоре простился и ушел домой.

Она вновь принялась говорить, что он к ней слишком невнимателен, что она ему не доверяет, что он с ней не откровенен, не посвящает ее в свои дела, что в конце концов он ее бросит.

- Как я могу быть с тобой откровенным: тебе слушать меня не интересно.

Она однако продолжала приводить аргументы, убеждающие Виктора в его собственной подлости.

- Если ты обманешь меня, я тебе отомщу так, что ты меня запомнишь на всю жизнь! Пусть мне самой в три раза хуже будет, пусть, но ты меня запомнишь!..

Спорить с ней было очень трудно, раздраженная, она не хотела ничего слышать. В такие минуты он предпочитал отмалчиваться - пусть у нее все пройдет. Он вышел в коридор, сел на подоконник, закурил. Она тоже замолчала.

Какой она была разной! Его поражало, как в ней умещалось множество противоречивых черт. Как-то сказала ему, еще осенью, когда они шли по тропинке на окраине города:

- А мне замуж предлагали. Невзрачный такой парень вроде тебя... ой, я не то имела в виду, - смеялась она. - Худощавый такой, как ты. Но я люблю тебя и такого, - шутила она, прижавшись щекой к его плечу, не обращая внимания на поглядывавших на них редких прохожих. Ухватилась за его руку, ласкалась и

подлизывалась, подмигивала ему обоими глазами вместе, закрывая их дольше, чем следует при подмигивании, и устраивая такую сладенько-миленькую театральную гримаску, словно уплетала невиданное лакомство.

Они шли, а впереди тянулись поля: желтое скошенное, на котором словно нарисованы были волнистые полосы от косилки, далее ярко-зеленое со свежей травкой; черная пашня переходила в бархатно-синее капустное поле, оканчивавшееся рощей высоких деревьев, а уже за нею далеко-далеко поднимались высотные белые дома города. Из-за густых белых облаков вырывались косые лучи солнца, спокойно ложившиеся на землю... Как безбрежны и безмятежны были их уединение и одиночество, и среди щедростей умиротворенной природы чувства были далеки и сладостны, словно во сне, так же отброшены от действительности, как и стены шумного города, казавшиеся отсюда видением... И тогда одна мысль расстаться с ней на несколько часов бередила душу...

Но порой она становилась совсем другой к полной его неожиданности. Она начинала противоречить в мелочах, воспалялась до непреклонности, а то на нее находили тяжелые припадки ревнивой подозрительности, и тогда его отталкивало от нее. Сложно сказать, что творилось в его сердце - там бушевали и любовь, и протест, и снисхождение, и даже страх. Да, страх! От ее глупостей, которые она «морозила», бежать хотелось. А ведь она так легко находила выход из житейских ситуаций, никогда не теряясь в самых острых. Другой бы, возможно, совсем не так относился на его месте к ее дотошности и вспылчивому упрямству, но Корин, несмотря на инертность темперамента, сам был человеком довольно импульсивным и к тому же ранимым, ее гнев взвинчивал и его, их мелкие и пустые столкновения редко не оканчивались ссорой, которая была тяжела для обоих, потому что, что бы там ни было, их толкала друг к другу сила, заполненная только одними бурными и слепыми чувствами, презревшими любые доводы ума. И так было всегда: ее грубость отталкивала, ее нежность звала, ее незащитность вызывала жалость.

Корин продолжал курить. Они молчали минут десять. Потом она резко поднялась, зашагала по коридору к выходу. Виктор бросился за ней вдогонку, загородил путь.

- Ты куда, не выдумывай! Автобусы уже не ходят!

Она глянула на него с кошачьим мстительным огнем в глазах, замахнулась батошкой, стоявшим в углу, отстранила его локтем и исчезла в темноте. Он не стал преследовать ее. Он был достаточно раздражен. Прошел в кабинет и прилег на спину на диване при включенном свете.

Но уже через час она вернулась вся в слезах.

- Подлец! Негодяй!.. Бросить меня одну ночью! - ее душили слезы, она больше ничего не могла выговорить.

- Никто тебя не бросал. Всему есть предел. Я не привык, когда на меня кто-то замахивается палкой!

- Да, всему есть предел! - она вновь зарыдала. - Ты знаешь, что было сейчас... Мне просто повезло. Я шла, за мной двое парней. Они обогнали меня, скрылись за углом дома. А когда поравнялась... Один схватил меня из-за угла

за руку, рванул, зажал рот... Он стал срывать с меня пальто... Второй стоял рядом. Не знаю... сердце у меня в пятки провалилось. Я сказала, что больна. Не подействовало. И тут по улице милицейский «уазик» проезжал. Машина прошла мимо, а те испугались, бросились наутек... Потом слышу, та же машина обратно едет - какого черта они там крутились, не знаю. Я остановила ее, начала объяснять все. Сбиваюсь, голос дрожит. Говорю, парни далеко не ушли, здесь где-то. А они мне в ответ:

- Девушка, это не наш район. И дальше поехали.

Корин вскипел. Быстро зашнуровал ботинки, схватил ее за руку:

- Пошли! Ну, скорее же. Покажи мне парней!

- Покажи! — усмехнулась она.

Корин понял бессмысленность своей затеи. Он ходил взад и вперед по кабинету, в ярости сжимая кулаки.

- Откуда берутся такие скоты! Опиши мне их, обязательно. Я буду искать их всюду.

Он включил электрочайник, налил ей стакан, достал банку с вареньем. Она пила, делая мелкие глотки. Потом сказала уже совершенно спокойно, однако как окончательное решенное:

- Витя, и впрямь, может быть, прав ты, слишком много между нами разного. У меня характер плохой, я знаю. Мне замуж никогда не выйти. Я знаешь что... Я ребенка хочу. От тебя. А ты можешь идти на все четыре стороны. Можешь быть свободен. За меня не бойся, мне сразу квартиру завод даст. Ничего мне от тебя не нужно.

- Ну что ты говоришь! Сама не думаешь что, - он ее обнял. - погоди, подзаработаю, и мы рванем на новостройку в Сибирь или на Север. Я все-таки архитектор и должен работать по специальности. А там простор молодым.

И он вспомнил то, о чем долгое время не вспоминал. Как ему мучительно хотелось удержать при себе эту красавицу-строптивицу, не потерять ее. Но как?.. Всегда казалось, что она уйдет от него, непредсказуемая, словно ветер. Это было нестерпимо. И вот... Нет, в том не крылось никакого сознательного расчета. Просто он был готов на все, лишь бы не отпустить ее, на что угодно, что могло бы связать их. И теперь он к удивлению своему стал догадываться, что примерно то же самое питала и она к нему, и думала так же.

Ее склонность к риску и деятельное нетерпение вселяли в него полную уверенность в себе. До сих пор он не придавал значения ее чувствам, они выглядели в его глазах лишь ветреной блажью. И внезапно он понял, что она, словно цветок к свету, жадно тянулась к нему всегда сквозь их взаимное недоверие и его сдержанность, которые ломали ее и заставили сказать то, что она произнесла сегодня необдуманно и отверженно.

Х

Однажды он открыл дверь ее комнаты и увидел незнакомую ему девушку в брючном костюме с повязанным поверх него фартуком. Она была совсем некрасива, фигура ее угловата и нехороша, однако в доброй улыбке он сразу

почувствовал мягкость и отзывчивость. Девушка резала огурцы и раскладывала их в большое металлическое блюдо с картошкой, политой соусом.

Ему вспомнились вскользь брошенные накануне слова Марины о что какая-то девушка попала в немилость к коменданту и потому ее поселят сюда, в пятидесятую, к Марине, конечно же, в наказание, так как чрезвычайная Маринина строптивость была известна на все общежитие. Расчет самый простой: ей тут жизни не будет. Удивление у Корина вызвало другое: как же могла девушка так провиниться, ведь в ее манере общаться он сразу ощутил интеллигентность и покладистость.

Объяснение отыскалась позже. Оказывается, у нее - звали ее Надей - был дружок по фамилии Рыков, которого комендант очень недолго любила. Корин с ним через минуту же и познакомился. Верзила за метр девяносто, двадцати восьми лет, на полголовы его выше и килограмм на двадцать тяжелее, с довольно коротковатыми для его роста ногами. Черты грубые, на лице два старых шрама. Он был слишком пьян. После рукопожатия тут же с высоты своего роста насильно усадил его на стул и сказал, что теперь Корин никуда не уйдет, что сейчас они будут вместе ужинать. Появилась вскоре и Марина, она очень обрадовалась приходу Виктора.

Корину этот насильственный ужин не очень нравился. Рыков стал вразумлять его, как нужно драться: удар наносится поверхностью костяшек указательного и среднего пальцев, сжатых в кулак, рука в кисти чуть согнута, размах короткий, силу нужно распределять так, как если бы мысленно собираешься остановить кулак всего в нескольких сантиметрах дальше цели. Неплохо падающего противника пристукнуть каблуком. Сам он несколько лет занимался боксом, что теперь скрывает на всякий случай.

- Не бойсь, паря, - сказал он. - Тебя тут не тронут.

- Меня никто и не собирается трогать, - сказал Виктор. - У меня со всеми хорошие отношения.

-Ну да, - усомнился Рыков. - «Отношения», - презрительно повторил он. - Дадут только так. А меня здесь боятся. Я каждому отвешу, - он начал бессвязно и однообразно рассказывать о том, кого и как он когда-то бил. Из его сумбурных обрывков вскользь промелькнуло несколько раз «дедовщина», «дисбат», «зона». Логика между первым и вторым была для Корина ясна до наглядности, что позволило сделать кой-какие вполне определенные представления о личности сотрапезника. Корин не преминул поведать вкратце о некоторых своих армейских впечатлениях, но Рыков его тут же грубо оборвал:

- О себе не рассказывай, лапшу лепить можно какую угодно, я в деле тебя не видел.

И он продолжил свои бессвязности. Громко звучал магнитофон Корина, который тот принес сюда несколько недель назад. Виктор молчал - отвечать было нечего, тем более он оказался в тупике: на каком языке и о чем можно разговаривать с ним? Рыков же однако по-своему истолковал его молчание, он счел его за знак уважения и потому заметил со снисходящей покровительственностью:

- Моей жизни не завидуй, в ней ничего хорошего не было. Зона такая штука. А у меня сегодня праздник. Теперь сказать можно. Мужика тут одного мы с корешом подбили. Он в суд подал. Я сразу в кусты, по повесткам не являлся - самое лучшее. И еще - все отрицать: «Не видел никого, не знаю, не делал». Корешу моему три года сунули, а про меня, видно, мужик забыл. Я его с боку каблуком в голову заделал, он, наверное, и не видел меня. Да к тому же сразу упал, ему, видать, память отшибло. Ну, теперь гулять можно!..

Позже Корин еще не раз встречался с Рыковым и, в общем-то, не испытывал к нему какой-то вражды или неприязни. Будучи трезвым, Рыков казался обычным парнем, но стоило только ему выпить, и он делался страшен. И происходило это не стихийно, не от затуманенности рассудка - не настолько уж Рыков бывал пьян, вот что совершенно четко бросилось Корину в глаза. Выпивка лишь помогала Рыкову ярче предстать в амплуа громилы, которое его очень привлекало. Он обладал невероятной физической силой, и ему, очевидно, доставляло удовольствие вселять в других страх и беспрепятственно унижать их.

Однажды какой-то парень ошибся номером и заглянул в пятидесятую. Рыков весьма скверно обругал его. Молодой человек, настроенный вполне мирно, попросил его вести себя повежливее. Вместо ответа Рыков неспеша встал со стула, усмехнулся, развернул «обидчика» спиной, обхватил правой пятерней за затылок и с силой толкнул так, что тот, пролетев чуть не через весь коридор, распластался в конце его. Корин не успел остановить Рыкова, никак не ожидая такого дикого выпада. Ему оставалось лишь сделать несколько увещательных замечаний, на которые Рыков ничего не ответил, только с презрением окинул Корина с головы до ног, словно кисейную барышню, который по недоразумению досталось мужское обличье.

За водкой себе Рыков почти никогда не ходил. Его грозные приказы всегда бросался исполнять запуганный сосед по комнате (Рыков жил этажом выше, в многоместном семьдесят седьмом номере). Возможно, какие-то остатки совести, которые должны жить в каждом человеке, не позволяли ему вести себя так, как бы ему хотелось, а когда он выпивал, для него наступало желанное, да, желанное - Корин убедился окончательно - раскрепощение. Видимо, таким Рыков сам себе очень нравился.

По отношению к Корину Рыков держался нейтрально. Однако как-то раз несколько недель спустя они вот так же мирно ужинали, как сейчас. Когда на несколько секунд в комнате появилась Надя, которая готовила на кухне вместе с Мариной, Рыков внезапно изменился и произнес зло, явно играя на Надю:

- Ты все уразумел?

Сама фраза и ее окраска никак не ложились в тон их прежнего спокойного разговора. Пьяный поступок его был так нелеп, что оставил Виктора в недоумении. Видя это, Рыков поспешил, как только Надя исчезла, так же нелепо оправдаться:

- Да нет, ты меня не так понял.

Как бы инфантильно это ни выглядело, но детина, видно, решил создать перед своей подружкой видимость того, что он Корина, который вел себя

независимо, тоже держит в ежовых рукавицах, в действительности совсем не собираясь обострять с ним отношений.

Сейчас, в первый день их знакомства, Надя заметила скрыто-изучающий взгляд Корина, потом нежную улыбку ничего не слушавшей Марины, словно вопрошающую: «Ну как он, мой Витя?», и сказала:

- Сеня, выйдем на балкон, подышим воздухом.

Рыков слушался ее беспрекословно. Они вышли.

- Я, пожалуй, собираться буду, - сказал Виктор.

- Витя, останься, ну хоть на часок, - она захныкала нарочито по-детски.

- Мне без тебя скучно.

- Выслушивать это?..

- Думаешь, мне самой интересны его дурацкие истории? Поехали тогда ко мне домой, как в тот раз. Еще не поздно, впереди два выходных.

Корин помолчал, как будто представлял предыдущую поездку, шум в голове наутро, и отрицательно покачал головой. - Скажи, - спросил он, - почему ты уехала из дома? У вас же в городе есть такой же завод.

- С родителями не ужилась, не подарок ведь я.

- Пойдем на улицу. Не могу я здесь находиться. Может быть, в кино заглянем.

- Хорошо. Приоденусь только, — она открыла шифоньер, стала одевать джинсы, и тут на пол с полки упала сумочка, раскрылась и из нее выпало несколько упаковок с ампулами.

- Что это? — спросил Корин, быстро поднял одну упаковку и удивленно спросил: - Откуда у тебя они? Это же морфий. Мне вводили такое лекарство, когда я лежал в армейском госпитале.

- Понимаешь, — она поспешно стала все собирать обратно в сумочку. - Не важно...

Он схватил ее за руку и твердо держал несмотря на сопротивление:

- Говори! Я тебя не отпущу!

- Не могу!.. Я дала слово. Никто о них не знает... Ну хорошо. Я тебе верю. Чтоб ты ничего не подумал. Несколько месяцев назад в общаге жили одни мои знакомые. Они кражу совершили в аптеке. Целый большой «дипломат» морфия. Он стоял у них. Нагрянула облава милиции. Они мне в спешке сунули «дипломат» на хранение. Милиция обошла подозреваемые комнаты, ко мне не заглянули. Ничего тогда не нашли. Это остатки, их скоро заберут, и Рыков велел мне молчать.

Корин взволнованно заходил по комнате, ничего не говоря.

- Витя! - она бросилась к нему. - Я не виновата. Все произошло быстро... Мне сунули «дипломат» и не спрашивали. А морфий взяла, чтоб не подумали они, что я на них донесу. Не в моих правилах. И мне ведь здесь жить. Витенька, ты мне не веришь, - у нее слезы на глаза навернулись.

- О боже мой! - он, казалось, не замечал ее слез. - Среди кого ты живешь, как!.. Вот что, забирай сейчас сумку, ампулы нужно уничтожить. Немедленно!

- Рыков вчера просил отдать ему их. Он колется.

- Никаких Рыковых. Неизвестно, к чему это приведет. Ему скажешь, что

испугалась и выбросила.

Она кивала сквозь слезы.

- Непутевая ты! Хватит! Тебя надо вытаскивать отсюда. Тебя, как ребенка, воспитывать надо. И что понравилась ты мне так!..

- Правда, Витя, я тебе очень нравлюсь? А я ведь жить без тебя не могу, мальчик мой. Я что угодно сделаю для тебя...

- Глупая, за что ты на меня свалилась только, - смягчился он.

- С глупой больше приключений, жить интереснее, - засмеялась она.

Целовались крепко, долго, с наслаждением. Потом Марина быстро подкрасилась, и они вышли из общежития, где, казалось, сами помещения источали дух тревожной неопределенности, дух вокзала, ожидания и безликого многолюдья...

XI

Минуло уже немало времени, а ожидания коменданта насчет неминуемого конфликта в пятидесятой не оправдывались: Марина с Надей сдружились. Даже Рыков заметил:

- Зря про нее такие слухи ходят. Дикаркой еще прозвали. Она ведь мировая девка. Простая, прямая!

Восторги Рыкова оказались довольно поспешными, так как уже через час он отказался бы от них. Марина вернулась с работы ранним вечером и застала в комнате Рыкова, как всегда, пьяного.

- Не нравится мне твой Корин, - пренебрежительно заметил Рыков. - Интеллигенция!

- Витя хороший парень, - сказала Марина.

- Я и не говорю, что плохой. Только не мужик он, а интеллигенция! Не могла что ли получше найти! Он, наверное, и кулака-то никогда не нюхивал. Вот у нас с Надей любовь, а он... - и Рыков грубо выругался.

- Заткнись, не лезь не в свое дело! - оборвала Марина.

Вскоре вернулась с кухни Надя с кастрюлей. Рыков, громко чавкая, принялся поесть суп. Марина прилегла на кровать, но заснуть ей не удалось. Рыков слонялся по комнате, чуть не опрокинул стол, курил, уронил на дорожку пепельницу и продолжал бессмысленно ругаться. Надя, вязавшая шарф, дрожала от страха.

- Скотина, когда ты выметешься отсюда! - закричала Марина, и в Рыкова полетело зеркало. Оно ударилось ему о колено, упало на пол и разбилось. Потом в него полетели кастрюли, чайники, даже тумбочка. Теперь ее было не остановить. Опешивший Рыков лишь беспомощно защищал лицо руками. Подошедший Корин застал конец сцены. Ему едва удалось удержать девчонку. Она была совершенно неуправляема.

- Еще такое повторится, твоей ноги здесь больше не будет, Рыков! - кричала она. Когда она успокоилась, они с Виктором поехали к Михаилу.

Жил он один. Сейчас у него сидели друзья.

- Какая красивая у тебя девушка, - заметил один из них. Марина

совершенно преобразилась, никто бы и подумать не мог, что еще час назад она запускала в пьяного верзилу все, что попадалось под руку. Они уселись на диван, Виктор обнял ее. Она прильнула к нему, обхватила почти по-детски руками, оперев подбородок о его плечо, внимательно, с детской непосредственностью, слушая Михаила.

- Есть на свете любовь! - воскликнул Михаил, смотря на них. - Эх, ребята, завидую вам белой завистью. Вы удивительно подходите друг другу внешне. А сейчас, считаю, нам нужно отужинать.

- Я приготовлю, - Марина посмотрела на него.

- Да, Мариночка, пожалуйста, продукты в холодильнике на кухне.

Марина ушла на кухню, а друзья Михаила вскоре разошлись.

- Ну как у вас дела? Расскажи мне о ней, о том, что между вами. Только правду.

- Я не могу без нее и дня, и она тоже. Но я никогда не думал, что у меня будет такая жена. Хочет добра мне, а получается наоборот. Преданна, но преданность у нее тяжелая, ревнивая. Она вспыльчивая, безрассудная. Дикарка! Часто случается, что говорю с ней и чувствую, как мои слова разбиваются о стену. И все же без нее мне плохо, очень плохо. Наверное, я ее люблю, хоть это кажется абсурдом: трудно найти более непохожих людей!

Корин ожидал, что сейчас Михаил произнесет: «Ну что ж. Хорошо хотя бы то, что ты все вовремя понял. Еще не поздно». Но тот мягко улыбнулся и сказал:

- Вот теперь вижу, что у вас все прекрасно! Она красивая, смелая! Твой преданный друг на всю жизнь. Не нужно искать сходства. Похожие люди безинтересны друг другу, поверь. А то, что она вспыльчива - прекрасно. Она тебя так же будет защищать. Крепость, с ней не пропадешь. Смелая, ух, смелая! «Поедем, красотка, кататься, а!» - слова песни он произнес со вкусом, трогательно, размашисто, и Корин почему-то подумал, что Михаил к ней равнодушен. - У меня жена такая же была. Марина все выдержит. Не нужно тебе другой, Марина та самая! У нее губы, ротик детские. Как бы тебе объяснить... Это как камертон... Пойми, ты мне дорог твоя судьба меня волнует очень. Если я ошибусь в тебе, в вас, это пятном ляжет и на меня, моей ошибкой будет. И запомни, никогда не причиняй ей боль... Как она тебе преданна! Да если бы меня так любили, я бы на чердаке согласился жить!

- В ней много хорошего, - согласился Виктор.

- Да в ней все хорошее. Но не подумай, я ее не идеализирую. Человек на своенравный и нервы тебе, как зубы, повывергает. Задорная девчонка, с ней не соскучишься. Люблю энергичных людей. Уж лучше такая, чем какая-нибудь скучная дура. Да, вижу: ей нужна семья, быт, дети, больше ничего. Она еще молодая, непосредственная, в ней это еще не проявляется, но она уже начинающий обыватель. Сможет ли она тебя понять? Постарайся сейчас поставить на первый план свое. Объясни ей свои задачи.

Вот моя бывшая жена, простая, добрая. Меня почему-то всегда тянуло к людям слабым, помочь, что ли, я им пытался. А смотрю сейчас - да ни сколько я ей не помог! Жила бы моя жена не с художником-оформителем, который еще

на досуге занимается спортом, а с шофером, у них бы стабильный заработок был, он бы ее вещами обеспечивал, ни в чем бы она не нуждалась и счастлива была. Чтоб быть счастливым, ума не надо. А в то время я уставал на работе, неприятности были. Вернешься к очагу семейному, поговорить бы по душам - ан нет, там жена со своим накопительством, разговоры мелкие. В тупик угодил. Развелся. Не одними ведь деньгами живем-то.

ХII

Марина почти никогда не приходила к Виктору домой по самой простой причине: его мать почему-то с первого взгляда невзлюбила ее. Она питала к ней мало чем объяснимую неприязнь и никогда не скрывала ее в их присутствии. Она всегда начинала воспитывать сына, винить в безалаберности, а в ее словах проскальзывал намек на его недостойную подругу, что являлось своеобразным способом косвенной перепалки с нею. Впрочем, здесь многое было объяснимо. В ее характере крылись те же струны властности и нетерпимости, присущие и Марине, а люди такого типа терпеть не могут похожие черты в другом. Они обычно становятся врагами.

Марина утверждала, что его мать ей даже нравится, что она вполне понимает ее отношение к ней. Но это ничего не меняло. Каждый Маринин визит грозил вылиться в скандал: громкие сетования матери вызывали в нем ответную реакцию, что редко кончалось чем-нибудь другим, кроме бессмысленной перепалки. Но Корин не придавал слишком большого значения словам матери, хотя с самого начала уяснил, что им здесь не жить.

Однажды с Мариной познакомился его отец. Он вел себя с ней любезно, отругал Виктора за то, что тот повинен в антипатии, возникшей у матери к Марине, так как не смог всего сразу уладить, даже долгое время не представлял ее им, а ведь должен бы, не ребенок. Однако когда они остались наедине, особого восторга не высказал.

- В лице у нее какой-то налет вульгарности, - сказал отец. - Передо мной на работе проходят сотни лиц, лицо говорит о многом, почти обо всем.

- Она красивая! - сказал Виктор страстно.

- Может быть, - холодно пожал плечами отец. - Не знаю.

Его слова Виктора убили. Мнение отца он высоко ценил. Ему почему-то казалось, что она должна всем нравиться, он полагал, их вкусы с отцом сойдутся. Почему ж тогда он не мог отвести от нее глаз с первой минуты гречи, он хорошо помнил! Одно он понял: с домом покончено.

Долгими зимними вечерами они слонялись по пустому городу. В конце концов он провожал ее до общежития и уезжал домой.

- Как я устала, Витя, - сказала на однажды. - Давай поженимся, наконец.

- Где мы будем жить? У меня дома?.. Сама знаешь... К твоим я не поеду: там для меня нет работы, и к тому же я терпеть не могу захолустье. Снимать квартиру здесь — нет ничего глупее, когда у тебя самого трехкомнатная квартира. На разрыв с родителями я не хочу открыто идти, они для меня дороги. Остается одно, то, что я уже говорил тебе: уехать отсюда на

новостройку. Так будет решен вопрос и с моей работой, и с жильем. К тому же они не узнают о нашей женитьбе.

- Сколько ты думаешь ждать?

- До лета.

- Вот что, решай. Цену себе только набиваешь. За мной парни бегали и посимпатичнее тебя. Но только ты мне нужен, понимаешь, ты. Так вот, решай. Если не нужна тебе — уходи! Я тебя не держу и ничего не требую. Стану я еще унижаться перед тобой! Или — или. Говори. И покончим на этом.

Он смотрел на нее пристально. «Уходи!» Как решительна, прекрасна была она в своей гордости. Нет, от нее невозможно уйти... Она не признает середины, она не захочет понять его. У него снова возникло такое чувство, которое уже не раз возникало при виде ее: вот она, рядом, она может покорить его одним жестом, она рядом, но ему до нее никогда не достать; есть в ней то, что их никогда не сблизит, то, чем он никогда не сможет овладеть... Но она трижды права, и его доводы ничто.

Он смотрел на нее. В красоте лица ее лежала та особенная печать, которую невозможно определить, обозначить как-то, но которую безошибочно угадываешь, которую нельзя подделать, как нельзя подделать истинное произведение искусства и нельзя спутать ни с чем другим; та особенная, возвышенная печать неуловимой, редкой гармоничности, которая словно бы говорит: «Я - сама Любовь...»

- Марина, мы пойдем расписываться завтра же! - сказал он.

ХІІІ

Заявление уже лежало в ЗАГСе, и она собралась на несколько дней домой. Но расстались они не очень дружелюбно. Она требовала, чтоб он постоянно находился подле нее, бродил с ней по дамским магазинам и проводил время в привокзальных очередях. В конце концов он не выдержал:

-Я не могу так бессмысленно уничтожать свое время! Пообедаем у меня дома без всяких толкучек, не обращай внимания на мать. Слушай музыку, занимайся, чем тебе заблагорассудится, а я почитаю. Потом провожу на автовокзал.

Она обиделась:

-Тебе времени на меня жалко стало? - и оторвалась от него на несколько шагов. Стояли еще жестокие морозы. Он догнал ее. - Вот возьму и останусь там, у себя. Стану официанткой в ресторане работать. Буду с подносом ходить, задом вилять. У меня получится, - она говорила серьезным тоном, но он знал, она шутит. - Ой, Витя, у тебя с глаза ресничка упала. Угадай, с какого. Угадаешь - сбудется мое желание. Угадал, сбудется!

-И какое же у тебя желание? - Желания не принято называть... Я тебе говорила, что бабка у меня колдунья. Так я вся в нее. Вот наколдую - не бросишь меня никогда, сохнуть по мне будешь.

И впрямь, во всех своих пустяковых девчоночьих словечках она оказывалась неотвратно права. Он даже суеверно подумал, уж не колдунья ли она на самом деле! Пока была она рядом, он словно бы и не замечал ее. А теперь, когда настал час прощания, он провалился в пропасть. Да, она живет по одним внезапно рождающимся чувствам, она - сама стихия... То, что всегда претило ему, как человеку. Ему с ней так часто нелегко, он столько собирается бросать из-за нее - город, друзей, родительское гнездо, но не может отпустить ее.

За те дни, что она отсутствовала, он многое успел сделать, но время заполняла пустота. Он прожил его лишь сознавая, что рано или поздно встретится с ней.

Ей пора было вернуться, но она не звонила ему. Он тоже не стал звонить в общежитие. Но его хватило только на два дня. На следующее утро он не мог дожидаться вечера — поехал к ней прямо на работу. От автобусной остановки нужно было идти минут двадцать пешком по безлюдной дороге. Пройдя по лабиринту брошенных бетонных блоков, приблизился к мостовому крану, на котором она должна работать. У крана стояла очередь грузовиков, громоздились железобетонные конструкции. Он глянул вверх, в застекленную кабину. Марина, ее волосы! Но как не похожа она на себя в черной спецовке!

Виктор понаблюдал за работой, вслушался в командирские крики и понял, откуда берутся перченые словечки в ее речи. Теперь он их простил ей. Он взобрался на бетонное перекрытие, и Марина заметила его. Показала рукой вправо и повела туда кран. Виктор ринулся в ту сторону. Там была винтовая лестница. Взвился по ней, едва только кран поравнялся с ним. Марина открыла дверцу:

-Заходи и садись вот сюда, чтоб тебя никто не видел! - и повела кран обратно.

-Почему не позвонила мне, когда приехала?

-Ты ведь очень занятой человек, не хотела отрываться от дела!

Она профессионально работала рычажками, иногда открывала переднее смотровое окно, командовала стропальщикам.

-Хочешь, кури! - бросила на стол пачку «Опала», не отрываясь от работы.

- Ты что, стала курить?

- С тобой закуришь, - она его больше не слушала. Наконец, когда машины были загружены, она облегченно вздохнула, полностью отключила двигатели.

- Голодный? Открой шкафчик, там молоко, пирожки.

Он внимательно смотрел на нее. Она казалась совсем чужой. Но Виктор не выдержал, привлек ее за плечи, поцеловал. Глаза ее были закрыты, на лице ничего не отражалось, однако она сказала вдруг совершенно просто:

-Еще хочу!

О, теперь она стала той самой прежней Мариной.

-Родной мой, - говорила в перерывах между поцелуями. - Через час окончу, поедем ко мне?

-Конечно, Малинка, - он нарочито искажил ее имя, сделав из него каламбур.

-Правда, Малинка? - притворилась она маленькой девочкой. И потом добавила серьезно: - Нади сегодня не будет, она уехала к родственникам. И страшила ее тоже. Как она его терпит!

- Как ты сказала? Страшила? - ему стало смешно.

Вскоре они уже шли по центру города.

-Смотри, вот парк, в котором мы тобой познакомились. Его снегом занесло совсем. Видишь, - вновь звучал ее милый притворный фальцет. - Это было в июне, двадцать пятого, в субботу, помнишь? А помнишь, как мы с ума оба посходили... Как будто завтра умрем и не увидим друг друга...

-Разве мы стали другими?

-Нет!.. Но мы не те, какими были тогда. Наверное, потому что знаем, что теперь никуда не денемся друг от друга. Нет, я ни о чем не жалею, что бы потом ни случилось. Ни о чем не буду жалеть...

XIV

Зима была на исходе. Михаил предложил с Мариной съездить на выходные на лыжную базу, куда он купил билеты. Поездка предстояла многообещающая, и Виктор пришел к месту встречи с двумя солидными сумками. Все собрались, двери заказного автобуса распахнулись, но Марина не появлялась.

-Не знаю, что у нее приключилось...

-Очередные выкрутасы, - объяснил Михаил.

-Я не поеду без нее.

-Сколько готовились к поездке, теперь зима-то ведь только через год наступит! И вот на тебе! - в сердцах махнул рукой Михаил. - Вспомни: достаю с таким трудом билеты на премьеру в театр, а в результате? Целый день ты под ее надзором, потому что она идти туда не хочет. Друзья приезжают из Москвы

- она тебя опять чуть не на цепи за собой уводит. И сейчас... Пора бы и ей свои условия поставить. Да помешался ты на ней, что ли? Я заметил, она многих вещей недопонимает. Тобой крутит как хочет. Мужчина должен оставаться мужчиной. Тот, что ради женщины друзей бросает - не мужчина!

-Верно, верно! - заподдакивали приятели, и кто-то заявил, что Виктор в свое время мог бы и лучше подружку найти. Тот рассеянно слушал, а сам думал: «Лучше... Может быть и есть такие. Но будет ли у них такой же озорной характер, ее неугомонность, то неповторимое в ней, к чему так привык и что так люблю...»

«Все равно лучше меня не найдешь», - говорила она как-то. Они все так говорят, ясно, и все же... Ему всегда было ее почему-то жаль, ему казалось, что она так беспомощна без него. Возможно, то была иллюзия. И как она обижалась на его жалость. «Не нуждаюсь в ней», - повторяла. Она - не для него, так казалось с самого начала. Но ничего не желающая слушать слепая стихия швырнула их в одном потоке, упрямо ведя рядом, и другие в сравнении с ней казались чужими, несовершенными. Порой ему хотелось уйти от нее, так доводили его скандалы и распри между ними, но он видел ее лицо, словно отмеченное каким-то таинственным знаком гармонии и младенчества, остро чувствовал ее негромкую преданность ему, и вновь все зажигало внутри противоборствующим огнем, в котором не поймешь, чего больше, радости или какой-то тоски, остановившейся от мысли, что многое изменится, оборвется, и он потеряет ее - тремоло неизбежности звучало где-то далеко-далеко в самые радужные дни... Но между ними всегда было что-то такое, что тянуло их друг к другу наперекор любым злым зигзагам судьбы, сокрушая и рая их самих, и отречься от этого было невозможно... Несмотря на укоризненные слова близких, скепсис друзей и иронию посторонних. Это не могло убить даже то, когда однажды он как-то иначе взглянул на нее и, словно прозревший, за многие месяцы к ужасу своему обнаружил, что ее лицо совсем не так красиво, как ему до сих пор казалось...

Но Виктор решился поехать с Михаилом. В самом деле, почему он должен подчиняться ей на каждом шагу! Ничего не случится. И почему он должен терять возможность покататься первый и наверняка последний в нынешнем сезоне раз на лыжах в зимнем лесу!

Два дня пролетели в лыжных кроссах по уютным крутым спускам в окружении елей, в разговорах среди дружеской компании в новеньком, пахнущем лаком номере базы, смехе и шутках в зале ресторана в ожидании обеда.

Когда он вернулся и позвонил ей, она сообщила, что всего-навсего проспала, и они договорились встретиться на следующий день. Но когда они встретились, она замучила его ревнивыми подозрениями. Она всегда немного не доверяла ему, словно бы чувствуя какой-то порог между ними. Теперешнее ее недоверие перешло в тягостное молчание.

-Знаю, тебе надо другую, - заговорила она. - Да и мне тоже другого. Я чувствую себя униженной с тобой, ты смотришь на меня свысока, да, да!

Он попробовал переубедить ее, но снова ощутил ту тягостную стену,

которая столь часто стала вырастать между ними за последнее время и которую он так ненавидел. Нет, дело было не в том, что он уехал без нее, она его и не винила вовсе... Хотя, может быть, как раз и в том. Он шел к ней, полный радостных впечатлений и жажды поделиться ими, но встретил совершенно противоположное ожидаемому. Стена угнетала с каждым днем все больше и больше. Он не выдержал. Он не желал более отыскивать ни свою, ни ее вину. Что-то окончательно вскипело в нем, и он ушел, не сказав ни слова.

XV

Самым старым жителем и одновременно самым давнишним пациентом в палате - он лежал уже третий месяц - был восьмидесятилетний дед. Со спины он чем-то походил на Швейка, пухлый, узкоплечий, небольшой, да и лицо его тоже напоминало прославленного солдата. Дед носил полосатую ярко-синюю пижаму, обычно он лежал на койке, читал газеты. Он был бывший фронтовик, когда-то ему осколок пробил череп. Рана зажила и неожиданно через сорок лет после войны дала о себе знать: у него появились головные боли, поднялась температура. Оказалось, в трещине началось загноение, и теперь дед лежал в ожидании операции: ему должны были вживить в трещину кусочек его собственной кожи. Глядя на него Корин думал, что это самый уважаемый и достойный пациент. Он получил ранения в боях. А он, Корин... История его «ранения» выглядела идиотской, а сам он - шпаной и ничтожеством. Да, наверное, так оно и выглядит.

Пациенты приходили и уходили, а дед лежал и лежал здесь неделями и месяцами, словно патриарх. Он был молчалив, но иногда на него нападали приступы говорливости, и дед рассказывал о том и о сем из своего прошлого, называя такие даты, которые давно, казалось, стали достоянием учебников истории. Все в девятой палате были, в основном, ходячие, лежали только лишь дед и Корин; дед по своей старости и инертности, а Корин из-за тяжелого самочувствия. Они часто оставались только вдвоем и никогда не разговаривали. Дед был слегка глуховат, а Корин не мог кричать и к тому же вообще не любил говорить с людьми, тугими на ухо.

Анатоль, который в один момент перезнакомился со всеми сестрами, часто заимствовал магнитофон из радиоузла, приносил в палату и включал, что вызывало у деда бурчание:

-Та-там, там-там, тьфу! Что за музыка!

Зато когда передавали последние известия, дед включал радио на полную громкость, и спасения не было никакого, Корину приходилось класть себе на голову вторую подушку, чтоб ничего не слышать.

Однажды они, правда, разговорились. Дед спросил, что с ним случилось. Корину пришлось поведать схематичный рассказ, выдуманный им наполовину. Дед сокрушенно и сочувственно качал головой. Потом стал говорить о том, что раньше холодильников не было, мороженое продавали в тарах со льдом, а лед хранился на специальных складах, охлаждение продуктов представляло собою громоздкое предприятие. Еще дед был порой не прочь исповедаться насчет «делишек» всех бывших и настоящих городских боссов, он удивительно хо-

рошо был осведомлен во всей их подноготной.

Утром у Корина брали кровь на общий анализ из пальца. Кровь шла медленно и быстро сворачивалась, сестре пришлось уже делать третий надрез. Ему стало плохо, его затошнило. Такого с ним никогда еще не случалось, даже если брали кровь из вены.

Анатоль тем временем не страдал от скуки. Он раздобыл где-то пустой бланк с жирным заголовком «Справка» и написал на нем следующее: «Выдать Коле двадцать рублей на курево». И поставил неразборчивую подпись. После вызвал Колю к себе и строгим тоном объявил задание: сходить в магазин через дорогу и обратиться к кассиру. Коля ревностно исполнял любые такие задания. Он надел теплые носки, больничную куртку поверх красной рубашки, в которой обычно «стоял на посту», и с радостью выйдя из корпуса, помчался через дорогу. Вскоре он возвратился черезвычайно возмущенный.

-Что, Коля, где деньги? - генеральски спросил Анатолий.

-Не выдали. Я док`умент показывал, не выдают, - залепетал Коля.

-О, видали, кадр, не выдают, - оттянув нижнюю челюсть с характерной для него клоунской ухмылкой указал на него Анатолий и захохотал. Виктор Иванович печально улыбнулся и ничего не сказал.

-Лучше надо было просить, Коля, понял! - заорал ему на ухо Анатолий, пережевывая пирожное бизе. Коля с готовностью кивнул.

-Ладно, можешь быть свободен. Сво-бо-ден! - Коля понимал только громкий голос и потому тут же удалился.

-Представляю харю у этих, там, в магазине! - давился Анатолий пирожным. Ему пришлось открыть очередную бутылку с яблочным соком и заглотить пару стаканов.

XVI

Впрочем, очередная размолвка не должна была оказаться долгой. Он ушел шестого марта, а седьмого протискивался сквозь предпраздничные магазинные толпы в поисках подарков для Марины. Долгожданным весенним утром надел выходной вельветовый костюм, нагрузился покупками и направился к невесте.

Невеста полулежала на кушетке в халате. На Надиной кровати, что стояла напротив, сидел хорошо упитанный смазливый парень, «бычок», как сразу обозвал его про себя Корин, и о чем-то с ней говорил негромко и неторопливо. За столом расположился Рыков. Корин поздоровался, с удивлением разглядывая парня.

- О, здорово! - сказал Рыков и протянул ему руку. Протянул ему руку и Корин, потом «бычку».

- Петя, - сказал парень, приветливо его разглядывая.

- Виктор.

- Вот уж кого не ждала, - усмехнулась Марина. - Как провел время?

Рыков куда-то исчез. Корин неторопливо снял шубу и повесил ее в шкаф, намереваясь показать этим наивным жестом, что чувствует себя здесь совершенно непринужденно. Потом уселся за стол на место Рыкова,

испытующе их разглядывая.

- У нас тоже вчера неплохо вечерок прошел, - сказала Марина и подмигнула Пете, изучая между тем Корина. Подмигнула так, как будто им вдвоем известно что-то интересное, о чем Корин и не подозревает.

- Где?

- А твое какое дело. Я же не спрашиваю, где был ты.

Корин заскрипел зубами, но не подал вида, что негодует, и проговорил с веселой иронией, словно бы обращаясь к Пете:

- И откуда такие догадливые девки берутся?

- Может быть, я вам мешаю, так я выйду, - вежливо сказал Петя. - Может, у вас какие свои разговоры?

- Нет у нас никаких разговоров, сиди, - сказал Корин наперекор себе. Его трясло от ее многозначительной улыбки, взглядов, ее спокойствия, в которых проглядывало затаенное торжество. Но Петя был совсем не примитивен, как того бы хотелось Корину, и обращал его скрыто-иронические выпады в легкие шутки. Он казался на первый взгляд в общем-то симпатичным малым, в другое время Виктор, возможно, и подружился с ним, но разумеется, не сейчас. Так они провели минут двадцать. В комнату заглянула какая-то белобрысая девица.

- Берегись, Светочка, - ехидно предупредила Марина. - У Вити пристрастие к блондинкам.

Корин глянул на нее и подумал: «Только не к таким». Потом появился Рыков.

- Братия, наверх, в семьдесят седьмую. У нас все готово.

- Марина с Витей здесь останутся? - предположил Петя.

- Еще чего! Сабантуй так сабантуй.

- Не хочется что-то вставать. Если б кто-то отнес меня по щучьему веленью...

Не успела она этого произнести, как Рыков мигнул «бычку», они завернули ее в одеяло, водрузили высоко у себя над головами и понесли через коридор по лестницам наверх. Корин ринулся за ними. В коридоре он перехватил настороженно-внимательный взгляд одной из Марининых подруг. Он чувствовал себя посрамленным. Но внезапно решил ждать, ждать до самого конца и нарочно не делать никаких шагов, чтобы пронаблюдать за ней и убедиться, оправданы ли его страшные подозрения. Поэтому в семьдесят седьмом он сел не рядом с ней, хотя там было свободное место, а напротив. И поэтому она оказалась снова рядом с Петей. Здесь он совершенно никого не знал, а народу было много, человек около двадцати. Разговоры были однообразные и скучные, и Корин молчал. Марина глянула на него с ухмылкой, взяла ложку, поддела на нее винегрет и протянула Пете прямо в рот. Потом вторую, третью. Корин отвернулся. Внешне он выглядел совершенно спокойным.

Оказалось, что многие незнакомые ему здесь люди знают через Марину то, что он бывший архитектор. Это вызвало интерес к нему, посыпались вопросы. Корин подробно стал рассказывать о намечающихся новостройках города и, казалось, совсем забыл про существование Марины. Она перестала

кормить Петю и мстительно вперила в него минутный, пристальный взгляд, звучавший, словно последнее предупреждение. Но он сделал вид, что не замечает его. Тогда она что-то шепнула на ухо Пете, и они ушли. Корин посидел в комнате минут десять и вышел тоже...

- О, видали, - говорил невнятно Рыков. - Его невеста с хахалем, а ему плевать. Интеллигенция, тьфу!...

Дверь в пятидесятую словно бы нарочно полуоткрылась, и через нее было видно, как на кровати они полулежат обнимаясь. На Пете нет пиджака, одна рубашка с расстегнутыми сверху пуговицами.

У Корина потемнело в глазах. Он мог вообразить себе что угодно, только не такое. Он прошел в комнату, рванул его на себя и ударил со всей силы в лицо. Если бы с краю оказалась она, он ударил бы ее. Петя вскочил и направился вслед за Кориным в коридор.

- Я пять лет занимался боксом, - деликатно предупредил Петя.

- А я столько же карате, - солгал Корин. Петя нанес ему удар. Корин тоже. Так они обменивались любезностями с минуту, Корин лишь пропускал больше ударов, но крепко стоял на ногах, силы оказались равными. Происходившее выглядело несусветно глупо. Корин чувствовал, что его противник это понимает, и они уже остановились, оба готовые замять инцидент, как вдруг словно бы что-то ослепительно яркое блеснуло перед глазами Виктора. Когда он пришел в себя и обернулся назад, то увидел двухметровую фигуру Рыкова и удивился, полагая, что произошла какая-то ошибка. У него даже опустились руки, которые он держал для обороны. Рыков, совершенно не меняясь в лице, хладнокровно и размашисто нанес ему кулаком сверху вниз колющий удар по темени, от которого он отшатнулся к стене. Теперь Корин ясно понял, это не ошибка, и потому снова приготовился к защите. Присмиривший было Петя, почувствовав поддержку дядежного приятеля, внезапно выдал Виктору серию тумачков, а Рыков пробовал зайти со спины. Корину пришлось прижаться к стене. Теперь они двое напротив него: справа «бычок», слева Рыков. Рыков молча бил по вискам, темени, лбу. Лицо он не трогал, чтобы не оставлять на всякий случай следов. Несколько раз пинал Виктора в живот и грудь, что заставило того отскочить от стены. Теперь удары сыпались на него со всех сторон, не было никакой возможности отстранять их, и он почти полностью потерял ориентировку. Внезапно «бычок» куда-то пропал. И тогда Рыков поднял, игриво ухмыляясь, с пола восьмисотграммовую бутылку...

Очнувшись в каком-то гудящем тумане, полуживой он добрался до комнаты. Его шатало от боли в голове. А они сейчас наверху, в семьдесят седьмой, и эта дрянь кормит торжествующих победителей с ложки, они громко обсуждают драку, хвастаются, кто и как удачно дал ему и, наверное, хохочут, думал он в бессилии.

Дома взглянул на себя в зеркало: изуродованное лицо, рваная замызганная одежда... Крики отца о том, что его сын связался с уголовным отребьем, и что иначе это и не могло кончиться, слезы матери — он ничего не слышал.

Время утратило свой естественный ход, и много его прошло или мало, он

не мог сказать, когда позвонили в дверь. Марина. Он опять почувствовал, как перед глазами темнеет. Он хотел потребовать у нее объяснений, но ярость душила его, и он до хруста сжал ее руку, так что она простонала.

-Потаскуха!.. Ты еще смела говорить про ЗАГС!..

-Тебе не жаль меня?.. Говорить все это?..

- Какой ужас, какой стыд! - воскликнула мать.

-А тебе было не жаль меня там, когда меня бросили без сознания среди осколков, словно падаль, а сами ушли веселиться?

-Мне было не до веселья... Я не думала, что так выйдет... Я оттащила от тебя Петьку, а Рыкова не успела.

На миг у него мелькнуло сомнение: сегодняшней день - продолжение нелепостей, недоразумений, недоверия, что всегда сопровождали их двоих, «бычок» никто для нее, она лишь хотела его раздражить, отомстить за собственные подозрения... Но он представил себе ее холодную, торжествующе-мстительную улыбку и в горькой бесповоротности понял, что нить оборвана, что она предала его. Он никогда не сможет простить ее. Он ее любит, как никого никогда не любил, но теперь нить оборвана окончательно, и любовь останется лишь воспоминанием. Мертвая, словно памятник, любовь...

Еще волна прокатилась по нему, то был какой-то прилив нежности к ней, но он поборол его и, зная теперь наверняка, что это конец, бросил:

-Уходи!

Она стояла, словно не слышала. Потом вышла из квартиры и села на ступеньках лестничного марша, глубоко задумавшись. Так сидела с минуту, потом поднялась и ушла. Корин заперся у себя в комнате и впервые в жизни горько заплакал.

Из-за серьезных повреждений левый глаз, на который пришелся один из ударов, совсем не открывался. Корин умылся, взял у матери тональный крем, замазал им синяки на лице, переоделся и отправился в глазную больницу. Там было совершенно пусто. Окулист обернулась на него. Открытое весьма милое лицо, внимательные голубые глаза, пышные золотые волосы. Наверное, недавно закончила институт.

- Боже мой, где вас так? - в негромком, ровном ее голосе звучало сочувствие. Корин сел на стул. Она направила ему в лицо поток ярчайшего света, от которого заломило глаза, взяла оптический прибор. Рука у нее была хорошо сложенная, сильная и довольно крупная для женщины.

- Вот рецепт, придется закапывать это лекарство... Пойдите, завтра и послезавтра ведь выходные, в дежурной аптеке оно вряд ли есть, что же вы будете делать два дня... Отсюда я взять не могу, но дома у меня есть.

- Спасибо, - поблагодарил он. - Где вы живете?

Она назвала район. Им оказалось по пути.

- Тогда посидите, - сказала она. - Через двадцать минут меня сменят, и мы пойдем.

- Вы недавно окончили институт?

- Да, еще года не прошло.

- Наш?
- Нет, Ленинградский.
- Я тоже учился в Ленинграде.

Они проехали несколько остановок в троллейбусе, потом пошли пешком.

- На чем поедет сейчас? - спросил он.
- Лучше, наверное, на двадцать третьем автобусе, - она закуталась поплотнее в шубку под леопарда.
- Идет. Примечательное число.
- Чем же?

- Двадцать третьего апреля прошлого года мне исполнилось двадцать три. Если от двадцати трех тысяч отнять двадцать три, то получится номер моего телефона: два-двадцать девять-семьдесят семь. Совпадения, совпадения...

Она просила его подождать у подъезда, вскоре вернулась с пакетиком и объяснила, что и как употребляется.

- Не знаю, как и благодарить... Как вас зовут?
- Таня.
- Спасибо, Таня...
- Не стоит. Просто я не могу видеть, когда кому-то плохо.

Но наутро Корин почувствовал страшную боль в голове и теле. Поразительно, как он еще мог ходить вчера! До боков нельзя притронуться. Вероятно, сломаны ребра. Но боль была ничто в сравнении с отчаянием, негодованием и всеиспепеляющим опустошением. Где она, одна или нет, что она думает и чувствует?.. От этого уже некуда бежать. Он налил в стакан водки. Алкоголь не заполнил пустоту, зато подействовал, как болеутоляющее. Он даже почувствовал некоторый прилив бодрости и решимости. Но на следующее утро не смог уже подняться.

XVII

- Вот так все и закончилось, - сказал Корин, застегнул у больничной куртки верхнюю пуговку, потому что в куртке становилось прохладно из-за раскрытого окна, и замолчал.

- Нужно было ударить ее, а не его, - сказал тезка Виктору. - Парень здесь не при чем.

- А еще лучше сразу уйти, в самом начале. Да, - продолжил он, - говорили мне, какая она тебе жена, с женой общее должно быть, для любовницы хороша только. Да и сам я думал, что же будет, если свяжу свою судьбу с ней!.. Все знал. Но отвязаться от нее было выше всяких сил. И не хотел. Наваждение дьявольское!.. Была бы она другим человеком вообще... Я никогда не хотел идти ей на уступки, ее настырность у меня ярость вызывала, желание все ей наперекор делать. А уж она-то не привыкла, когда поступают вопреки ее воле. Она всегда давила на меня, а я долго не переносил, когда на меня кто-то давит. Как мы измучили друг друга... Будь она чуть помягче, и я бы с ней стал

другим... А теперь вспомню, как обнимается она с ним, а на нем и рубашка расстегнута - нет, не могу ее простить, внутри как будто все обрубил, хоть и люблю. Не ее, облик ее...

Корин был ослеплен ревностью, страшными подозрениями и сам не замечал, насколько обрывочна воссозданная им мозаика происшедшего. В ней просвечивала лишь логика его поведения, в правоте которого он был убежден. Другой, ее логики, он просто не видел. И, ослепленный, продолжал с напрасностью обреченного мысленно скитаться по безвыходному лабиринту в поисках причин.

Она опять ярко предстала в воображении и памяти - высокая, стройная. На ней босоножки на высоких каблуках, что особенно подчеркивает ее стройность, длинные светлые волосы спадают по плечам, обрамляя ее необычайно привлекательное лицо... И вдруг она с каким-то «бычком»!..

Он же по-прежнему здесь. Он идет, и пол шатается у него перед глазами, и дышать ему больно, лишь бы дотянуть до палаты...

Придя в девятую, он погрузился в мрачную безысходность. В дверь заглянула сестра и сказала:

-Дамочка тут пришла, запомывала к кому. Видная уж вся из себя такая, светловолосая. Да к тебе, наверное, - решила она почему-то, посмотрев на Корина. - Не вставай, я попрошу, чтоб пропустили сюда, врачи-то уж ушли.

Это не Марина, подумал он. С ней он никогда больше не увидится. Кто же тогда? Наверное, сестра ошиблась. И тут он увидел Таню. На ней были вельветовые джинсы, свитер, в руках она держала «дипломат» и улыбалась. Он очнулся от мрачного забвения, что-то в нем всколыхнулось, словно впервые за долгое-долгое время он сделал глоток чистого воздуха. Она сидела подле него со своей приветливой улыбкой.

-А глазу уже лучше, смотрю, - сказала. Она молчала. Но в нем звучал этот чистый воздух, и он заговорил о поездках на юг в прошлые годы и еще о чем-то безмятежном. Она сидела часа два. Потом открыла «дипломат» и выложила его содержимое: апельсины, яблоки, шоколадные конфеты, варенье, печенье и пряники, бутылки с соком и лимонадом...

-Куда столько, Таня! Ты с ума сошла!..

-Бери, бери! Тебе нужно поправляться, в виноградном соке и фруктах много глюкозы, - и она ушла.

Она приходила к нему каждый день и каждый раз приносила вот по такому «дипломату» с гостинцами, не слушая его мольбы прекратить подарки. Он чувствовал себя перед ней страшно неловко. Как бы она отнеслась к нему, если б ей стала известна его история!.. И что странно, она прекрасна внешне, чутка, добра. Неужели у нее никого нет!

-Отличная девчонка, - сказал тезка. - Смотри, как держится: просто, но с достоинством!

Когда он говорил с ней, давая ход мыслям и чувствам, то забывался на какое-то время. Никогда она не узнает, как много в действительности сделала для него!

Прошло уже три недели с тех пор, как он попал сюда. В тот воскресный

день Таня опять была у него. От рук ее еще слабо пахло лекарством - она недавно вернулась с ночного дежурства. Когда она ушла, Корин поднялся с кровати, уселся за стол, стоявший в палате - больные только что скипятили чай в литровой банке - разлил чай по стаканам и услышал знакомое, ледяное:

-Витя, мне нужно поговорить с тобой.

Обернулся. И тут же отвернулся. Сказал спокойно, не поворачивая головы, размешивая песок в стакане:

-Вот уж кого не ждал.

Те самые слова, что она говорила когда-то ему. Марина. Но как она похудела! И скрылась в небытии ее волнующая притягательность. Сколько красивых женщин кругом, и что есть их красота? Ее нет, она существует лишь в сравнении, рождается в улыбке и исчезает в тревоге. О химера красоты!.. Но есть в лице той, неповторимой, каким бы оно ни показалось впоследствии, есть в нем властное, разрушительное в своей слепоте очарование, способное тронуть за самую недосыгаемую струну сердца, вознести или смыть все сущее без следа...

Больные сразу поняли, кто она, и под разными предлогами поспешили выйти из палаты. Там оставался лишь один дед, но он дремал.

-У нас был следователь, - металлическим тоном произнесла Марина. - Ребятам грозит двести шестая. Бери свои слова обратно, иначе у тебя самого будут неприятности. Я скажу, что ты меня искалечил.

-Я тебя искалечил?! - удивился

-Когда?

-А хотя бы у себя дома.

-Тебя искалечили, а в больницу почему-то меня решили положить. С переломом черепа. Так, что ли? Престранно.

-Я тебе все сказала. Свидетелей я найду.

-И ты еще смотришь мне в глаза?.. Знаешь, о чем я думал здесь? Я понять хотел... Представлял себя на твоём, их месте... Но так ничего и не мог понять. Видно, понять это мне не дано. То, что случилось, не может уместиться у меня в голове. А в ваших умещается нормально.

-Но Витя, - воскликнула она, сменив металлический тон, - разве ты не мотал мне нервы!

-А ты не мотала мне их?! Это не нервы, у тебя их нет, а глупость твоя. Ты элементарного не смогла понять в моем отношении к тебе. Как поживает твой Петя?

-Прекрасно, - она решительно поднялась со стула.

-Погоди, - остановил он и взгляделся в стоявшую перед ним юную вздорную женщину.

Нет, это не Марина. Та, с которой теряли вместе голову и говорили друг другу нежные слова. Теперь это лишь враг, который вдвойне не пощадит его, потому что его не понимает. Но неужели так сразу в один миг может пропасть между людьми то чистое, что сблизило их, недоумевал он. И всмотревшись еще раз в ее лицо, на котором не отражалось ничего, кроме холодного несогласия, он понял, что, как бы ни было невероятно, такое может случиться.

Больше он ничего не сказал. Она молча ушла. Но ему почему-то стало удивительно легко. Он почувствовал, сколько же доброты встретил в тех незнакомых людях здесь, в больнице, что старались подбодрить его и поддержать, и понял, что добро нельзя сломить ничем. Оно пробьется сквозь ворохи копоты, ибо в нем есть таинственная сила, что делает его с каждым шагом больше и больше, словно снежный ком, вбирающий в себя мириады новых снежинок. Живущее вопреки его закону самоубийственно.

-Жаль, что не видел Марины, - сказал подошедший тезка.

-А где ее можно найти, в кабаки она ходит? - спросил Анатоль.

- Зачем тебе? - не понял Корин.

-Как зачем. У вас ведь теперь все равно все кончено.

Корин ничего не ответил и едва скрыл нахлынувшее ожесточение. Он понял спустя несколько часов, каким горьким был для него ее визит. Помимо своей воли он снова думал о Марине, и в мыслях звучало больше неотступной горечи, если б он просто потерял человека. Что-то он потерял гораздо большее, в самом себе тоже. Все оборвано бесповоротно, а он ее до сих пор ревнует. Кажется, он готов растерзать каждого, кто посмеет прикоснуться к ней... Впрочем, наверное, его чувствам суждено стать неопасным рецидивом убитой болезни... Она стала чужой, я это невозможно понять. Это можно только забыть, но понять невозможно. Оказывается, в число таких непостижимых вещей входит не только теория относительности для непосвященных.

В понедельник на обходе появилось четверо в белых халатах - заведующий отделением, врач, две сестры.

-Кто издевался над Николаем? - громко спросил заведующий. - Кто его вчера посылал в пельменную за сигаретами?

-Никто над ним не издевался, - не менее громко возмутился Анатоль.

-Ага, значит, ты.

-Не на веревке же я его туда тащил!

-Ни у одного, - жестко стуча молоточком по спинке кровати, гневно произнес заведующий, - ни у одного человека нет и не может быть права унижать другого. Тем более больного. Если же этот человек вбил себе в голову, что у него такое право есть, он будет наказан, - и не слушая более оправданий Анатоля, он сказал медсестре:

-Выписать немедленно с отметкой о нарушении режима. Больничный не выдавать.

-Ну и черт с ним! - сказал Анатоль, когда заведующий удалился. - С тоски здесь сдохнешь! Я все равно сейчас за свои уроки копейки получаю, испугал, больничного не выдаст. Да я на ликерке сегодня за день весь свой больничный отработаю, да еще пару пузырей прихвачу из цеха! - и он начал свертывать на койке белье и собирать пожитки. - Сейчас полоса субботников идет. Рекомендую вам проникнуться общим пафосом и дать обязательство прожить два дня на сэкономленных таблетках, - бросил он напоследок.

XVIII

Доктор поинтересовался у Корина на одном из осмотров, как он себя чувствует, Виктор солгал, что совсем хорошо, и умоляюще спросил, когда ж его отсюда выпишут. Тот поводит перед его глазами молоточком, подхватил голову за затылок, наклонил ее несколько раз вперед, поразмыслил и произнес, наконец, обращаясь к сестре:

- Ну что ж, готовьте его завтра на выписку.

Корин не поверил своими ушам и теперь уже весь день не мог ничем заняться: мысль о том, что завтра он окажется на свободе, была неизведанна, странно непривычна.

Утром ему сделали последний укол, он сложил простыни в клеенчатый мешок, получил свою одежду и шубу - как он пойдет в ней, ведь на улицах вовсю светит солнце, кругом тает, и люди ходят в одних курточках! - простился в палате со всеми за руку, как уже со своими давними друзьями, пожелав им скорого выздоровления. Старый фронтовик встал с постели, уселся на ее край, тряс ему долго с улыбкой руку:

-Ну вот, все уходят, а я остаюсь...

Виктор поблагодарил сестер, помахал рукой встретившимся в коридоре больным из других палат, завистливо провожавших его взглядами, и вышел на улицу...

Было солнечно, тихо. Мерзлая земля, казалось, вот-вот выскользнет у него из-под ног, и он ступал по ней осторожно, как будто учился ходить. Он еще до сих пор не решался глядеть по сторонам, боялся, упадет. Идти до дома было всего минут двадцать, но к концу пути его совсем зашатало, и он едва дотянул до квартиры. Когда Виктор очутился дома, то внезапно понял, что, в сущности, свобода от больничных стен ничего ему не дала. Не изменилось ничего. Напротив, дома он еще острее почувствовал свою оторванность, заброшенность, потому как впереди уже не было мечты о манящей воле, которая разом разрешит неразрешимое.

На больничном предстояло находиться еще много дней, но отсиживаться дома он больше не мог и поехал в центр города несмотря на сильную слабость. Почему-то все выглядело иным. Его швырнуло навстречу людям, и с первым же встретившимся знакомым он говорил и говорил долго и откровенно, словно пытался убежать от старого.

Вечером его навестил Михаил.

-Не так уж страшно, что тебе проломили голову, - убежденно заверил он. - Главное, живой. Что ни делается, к лучшему.

-Да, именно так сказал Гендель, когда ослеп, - размышляюще произнес Корин.

Виктор вновь вышел на улицу. Преддверие ночи выдалось наредкость неприветливым. Он брел небольшими улицами, мелкими двориками, неожиданно возникающими и переплетающимися проулками. Днем успело только-только раскиснуть, а сейчас стремительный ледяной ветер понес очень крупные хлопья сырого снега, и было его так много, что глаза

ничего уже не различали в пяти шагах, слипались и совсем устали от набившихся, лезущих его комков. Через несколько минут абсолютно все стало бело, и вступая на гладкую поверхность, он не раз проваливался в жижу. Лишь один сплошной лист неба нависал низко и тягостно, готовый сорваться и тяжело раздавить невзрачный, сумрачный мир тупиков, гнилостно-зеленоватых канав, переполненных канализационных колодцев, провалившихся в тлетворную землю рваных хибар, мир множества низких заборишек всех калибров, безучастных, давно не используемых деревянных сараев... Сколько бы ни продвигался он по забытому богом и людьми месту, его не покидало непереносимое ощущение досады и раздражения, как будто он стоял по горло в вязкой, похожей на сметану, жидкости, беспомощно пытаюсь пройти вперед. Вечный рок проклятья и жизненного запустения тяготел над неизбывным однообразием здешней округи, знамением неизбежности; вот так некоторые лица заклеены с рождения непостижимой, смертной печатью скрытого, непреходящего одиночества, и так часто эта трагическая отметина поражает прекрасные лики...

Он не выдержал, ему мучительно хотелось знать, чем она живет сейчас. И он позвонил одной из знакомых по общежитию, которой доверял. Они встретились.

-Мы так рады, что ты, наконец, отстал от нее, - сказала она. - Мы-то хорошо знаем ее. Ругается с нами по-страшному, а через два дня идет, как ни в чем ни бывало, подлизывается, змея! Знал бы ты, Витя, как она опустила потом!.. А в субботу отравиться решила: выпила стакан уксуса, ее в больницу увезли на «скорой», еле отходили. Хорошо, что не эссенцию.

Вопреки ожиданию, его залихорадило. Уже столько времени минуло, и самая первая, взрывающая, непереносимая мысль, что Марина предала его – та мысль прошла. Но от того, что он узнал сейчас, несмотря на это его залихорадило. Да, она исчезла в пропасти, сама память о прошлом осквернена, но его знобило. Он не хотел оправдать ее, и все же думал: «Наверное, это отчаяние». Ему приходилось слышать от знакомых о брошенных женщинах, с ними происходила примерно та же история. Он жалел ее. Он не мог спать две ночи, а когда засыпал ненадолго, ему снилось, что он помирился с ней и что ничего не случилось... Но то был сон, который он никогда не захочет превратить в реальность.

Несколько раз он ходил с Таней в кино. Когда он видел ее, забывался на какое-то время. Красивая, умная, скромная, она так подходила ему... С логической точки зрения она гораздо лучше Марины во всех отношениях, но что-то в ней его не зажигало, а в Марине загло с первого взгляда... Не было в ней порывистости, риска, упрямства, которые когда-то так проклинал.

Вот и сейчас они шли по аллее вдвоем, а он думал о Марине. Нет, так больше не должно продолжаться.

-Таня, ты очень добрый, чуткий человек, будет подло с моей стороны скрывать от тебя что-то... В одном виню себя, в том, что не сказал тебе разу, раньше...

-Не надо, - остановила она тихо, в голосе ее прозвучала смирившаяся

грусть. - Я все знаю.

-Ты все знаешь?! - поразился он и замолк. - И давно?

-Давно.

-Ты столько сделала для меня, и я всегда буду перед тобой в долгу. Не хочу обидеть тебя. Я плохой человек, ты найдешь другого, лучше.

-Но я люблю тебя, - в слабом ее голосе что-то надорвалось. Он удивленно поднял на нее глаза.

-Не может быть. Так кажется.

-Мне не кажется. Иначе бы меня здесь не было.

Они молчали.

-Я так хочу помочь тебе чем-нибудь... Таня, ты всегда найдешь во мне друга. Всегда, когда тебе будет трудно, звони мне. Но... - он вновь замолчал и, наконец, тяжело и сокрушенно произнес то, что долго таил в себе, словно тяжкую болезнь, - я не могу забыть ее. Хотел и не мог. Несмотря на то, что она втоптала меня в грязь. И простить тоже не мог. Тяжело мне. Не могу я обманывать тебя и себя. Все у меня выжжено внутри. Дотла. Пусть я буду один. А ты забудь меня, будто меня никогда не было. Мне никто не поможет. А я, я только разобью твою жизнь.

Ему показалось, ее голубые глаза подернулись влажной пленкой.

Праздник расцветшей весны был теперь в самом разгаре. Голубело безмятежное небо, деревья радовали глаз набухавшими почками, предвещавшими теплоту лета. Из громкоговорителя доносились звуки ностальгической песенки, которую он не раз слышал у Марины:

Сядь в другой поезд,
Будь ты как ветер,
И не заботься ты о билете.
Листик ольховый
Зажми меж ладоней,
Прошлое больше
Тебя не догонит.

Прошлое больше тебя не догонит... Оно - словно стихийный порыв морской волны, терпкой, стремительной, восхищающе-безрассудной, разбившейся о камни и унесшейся навсегда...

XIX

Едва Корин вышел с больничного, его ждали небольшие неприятности: его уволили из сторожей, теперь оставалась только основная работа, так что треть заработка он потерял. Но Виктор не очень сожалел: находиться на дежурстве вечерами, заполненными лишь одними воспоминаниями, было бы невыносимо. А еще через два дня пришел вызов в районный отдел милиции, в отдел дознания.

-Садись, - следователь, уже знакомый старший лейтенант, указал на стул. - Так вот, дорогой, против тебя прокурор возбудил уголовное дело, я вынужден

начать все сначала, — и он достал бумажную папку.

-Против меня? - удивился Корин и почувствовал, как голову, которая еще кружилась от полученной травмы, расщепила острая несносная боль.

-Да, и еще против тех двоих. Впрочем, против всей вашей шайки-лейки, - он показал санкцию.

-В чем же меня обвиняют?

-А это мы сейчас и будем устанавливать. Пока что в групповой драке общественном месте. Так, сыр-бор разгорелся из-за дамы сердца. Ну прямо как в романе, - усмехнулся старший лейтенант. - Итак, по порядку...

Еще вчера Корину хотелось думать, что история постепенно отходит в прошлое, ни одной мыслью он не хотел более возвращаться к ней, но неожиданно она понадобилась другим людям во всех своих мало что говорящих подробностях. Когда Корин дошел до последней узловой сцены, следовательно сменил пренебрежительный тон и стал к нему более участлив, на несколько секунд задумавшись.

-Хорошо, теперь о вас с ней. Вы сожительствовали?

Какие омерзительные слова есть, оказывается, на свете, подумал он. Да, в жестких, четких формулировках все выглядело верным, но таким далеким от человеческой правды. Да и зачем оно нужно, человеческое в этой правде!..

-Мы любили друг друга, - сказал Корин.

Следователь вновь твердо и непоколебимо повторил прежний вопрос, словно не слышал.

-Это очень важно, - заметил он. - Я слышал, у вас заявление в ЗАГСе лежало.

Чем дальше длилось дознание, тем больше, казалось, со дна поднимались необъятные ворохи мутного отстоя. Вещи, которые всем им были понятны и объяснимы, всплывая вот здесь, в кабинете с серыми стенами, превращались в похабную и потешную карикатуру на самих себя перед сидящими тут незнакомыми людьми. Но все же было не таким, не таким!.. Впрочем, разве имеет сейчас какое-то значение, таким или не таким, любили они друг друга или нет, кому это интересно!

-Она пришла, и ты ее избил. Показания Полетаевой.

Правда ли это была? Он дал ей пощечину. Следовательно, неправда. Но в тот момент произошло нечто более худшее, чем если б он ее избил. Он ее унизил и жестом, и словами перед матерью, которой она всегда побаивалась и найти взаимопонимание с которой так стремилась. Она не раз говорила об этом, она уважала его мать. И вдруг он превратил ее в ничто. Обида глубоко осела в ней, она грызла ее, однако гордость не позволила бы ей признать себя униженной. И потому она предпочла признать себя избитой. Так проще, и одновременно здесь крылось мщение. Ведь за унижение не судят, а за побои - да. Но кто станет копаться во всех этих нюансах! О них не хочется думать. Когда украдено святое, остальное теряет смысл.

Следователя интересует одно: избивал ли он ее. Да или нет.

-Да, я ударил ее по щеке, - сказал Корин. - Но я ее не избивал.

-Противоречие, - заметил тот. - Что ж, фиксирую признание: «Ударил»...

Корин чувствовал, как случившееся постепенно оборачивается в какой-то безликий фарс, газетный репортаж с футбольного поля. Факты были жестки, как математика, но ни души, ни полной истины в них не было, и потому они лгали самой подлой, замаскированной ложью схемы. Происшедшая с ним история выглядела примерно такой: В. Корин, опустившийся элемент, имеющий диплом о высшем образовании, но в виду деградации работающий резчиком и сторожем (!), устроил в «общественном месте» погром из-за распутной девки, за что и получил по заслугам, потом избил ее у себя на квартире... Картина получалась неприглядная. Следователь продолжал задавать вопросы, но Корин теперь почти не слушал его, отвечал механически, собственная судьба сделалась ему безразлична. Ему казалось лишь, что его медленно затягивает в скучную трясику, из которой не выберешься. Корин соглашался со следователем, что бы тот ни сказал, лишь бы поскорее кончился допрос. Он уже и не слушал его, только внутри упрямо звучал страстный голос, словно отпор кому-то невидимому, старавшемуся осмеять и извратить то, что он пережил. Да, не изменишь того, что случилось. Но и прошлое, прекрасное прошлое никто не в праве изменить. Вот что он говорил, тот голос. Называйте любовь, как угодно, вываливайте ее в грязи, выставьте на посмешище и, в конце концов, убейте. Только она не перестанет быть любовью, погибшей или живой, и в ней будет больше чистоты и честности, чем в пресловутой морали семейного благочестия, когда люди годами тихо ненавидят друг друга и спят в одной постели!.. Впрочем, что он думал!.. Если и была когда-то чистота, то теперь она навеки погрязла для него в позоре.

-Я признаю тебя потерпевшим, - заключил следователь. - Пока. Вот, ознакомься с правами потерпевшего. Я, но не прокурор, - добавил он. - Да, мне нужна твоя производственная характеристика, хорошо, если сам ее доставишь сюда. Если друзья станут водить меня за нос, вызову на очную. Все.

Потом Корин долго кружил по центру города, бессознательно слоняясь по тем местам, где они чаще всего бывали с Мариной. У него была тайная мысль, в которой самому себе не хотелось признаваться: а что, если он случайно встретит ее? Или ее знакомых. Но он никого не встретил.

На работе ему дали характеристику, такую, какую он, в общем-то, и ожидал: «План выполняет... Большого, характеризующего личность Корина, сказать не имеем возможности в виду небольшого срока его работы в коллективе нашей организации...» Все, как нарочно, против него. В «Гражданпроекте», где его очень хорошо знали, дали бы совершенно другую характеристику, написали ходатайство или что-нибудь еще в том же роде, так что бы не осталось никаких подозрений на то, что он патологический бандит. Но оттуда он уволился несколько месяцев назад. Ему еще раз вспомнились слова Михаила: «Надо, чтоб всегда за твоей спиной стояли люди». Он их еще не раз вспоминал.

Корин решил заехать к Михаилу.

-Как хоть с тобой разговаривает следователь? - спросил тот. - Любезно?

-«Любезно». Они с убийцами тоже любезно разговаривают. Работа у них такая.

-Зачем сказал, что ударил ее! Она ведь оболгала тебя! Чистосердечное признание прямая дорога в... Сам знаешь куда. Ну, положение твое не такое уж плохое. Следователь интересовался вашими отношениями. Уже лучше! Он хочет дело свести к ревности, как и было. Статья пустяковая: больше года не дадут, да и то «химии» или условно. У них там зарплаты хорошие.

-Ну спасибо, успокоил, - не без грустной иронии заметил Корин.

Корин взгляделся в бронзовую статуэтку Фемиды, стоявшую на шкафу. Эта суровая девица придавила левой, непринужденно обнажившейся из-под развевавшегося платья ножкой, голову змеи, обвинившейся вокруг фолианта; в правой она держала острый меч, в левой, высоко поднятой руке, весы, и смотрела на них. Но глаза на ее совершенном личике туго стягивала повязка... Фигурка ее, проступающая сквозь небрежно спадавшие легкие одежды, чем-то напомнила Марину...

Он подошел к полуоткрытому окну. Было уже очень тепло, окно выходило на солнечную сторону. Снег совсем стаял, обнажив прошлогоднюю траву. Стояла тишь. Молчаливо шевелился на земле брошенный лист картона.

Он хотел сказать что-то, но не мог. Словно держал в руках гитару с оборванными струнами.

Корин простился с Михаилом. Он пошел вдоль по набережной, на которой расположились невысокие дома из камня. Все так же было солнечно и тихо. Иногда доносились издали звуки взмаха голубиных крыльев. И опять смолкло. Он дошел до церкви; рядом с ней за покосившейся оградой в прошлогоднем бурьяне лежало кладбище, на котором, наверное, сотню лет никого не хоронили. Оглушающе свежо пахло оживающими деревьями. Далеко-далеко на том берегу простирались голые, не оттаявшие еще целиком поля, тянулись кое-где рощи. И на всем этом большом пространстве было удивительно безлюдно и светло. В сухой траве лежало низвергнутое надгробье из черного мрамора, как единственный знак навсегда унесшегося. Весна выдалась ранняя, кипящая. Но он словно бы стоял на какой-то далекой ее окраине. Глядел на пребывавшую в запустении, не изменившуюся за многие века старинную набережную древнего русского города, на черную, глубокую речную воду, бурлящую в больших открывшихся полыньях, в которых словно бы как-то странно и непостижимо исчез яркий, красивый мир, полный красок, голосов и надежд, всего молодого и бесконечного, и это было до растерянной боли непонятно, нелепо, необъяснимо... И нельзя было постичь, представить хоть в крохотной доле, казалось бы, самую простую, самую обычную истину, к которой давно должно привыкнуть человеческое сознание: прошлое никогда, никогда больше, ни в какие времена не вернется, оно обращено в пепел, и лишь в тоскливой памяти блуждает его зовущая тень...

После перед ним проплывали оживленные улицы, здание объединения, в котором работал, остановка, на которой он не раз провожал Марину вот в такие же солнечные дни... Жизнь тогда казалась заполненной да отказа, она звучала, она пела в нем, хоть ничего особенного вокруг и не происходило, так же, как и теперь.

Он старался ни о чем не думать. Минувшее начинало казаться долгим

эпизодом из чьей-то чужой, романтической жизни. Наверное, он не мог уже испытывать каких-то чувств к ней. Но прошлое, улицы, по которым бродили вдвоем, частица его времени с ней - они остались, словно постамент, за которым таится то, что ведомо только им. Да, у него по-прежнему есть друзья, но все, что происходило теперь, происходило в каком-то сне, и то был другой мир, который его совсем не волновал. Душа осталась не здесь, она походила на увиденные сегодня бескрайние поля, завлаченные снегами.

Дома раздалось несколько телефонах звонков. Он снимал трубку, кричал «Алло!» - молчали. Кто-то не решался заговорить с ним у другого аппарата. Потом звонки прекратились.

XX

Утром его снова вызвали в отдел милиции. Вызов был назначен на послеобеденное время. За полчаса до его ухода зазвенел телефон. Он услышал сбивавшийся, дрожащий голос Нади:

-Рыкова разыскали, наконец... Забрали в милицию... Вот что, делай что хочешь, только заминай все... Ему грозит тюрьма.

-Видит бог, я не хотел суда. Но раз уж дело дошло до следствия, запомни: я Рыкова покрывать не буду.

-Но тебя самого засудят. Тебе ничего не доказать. У тебя нет свидетелей!

-Пускай! Все во мне растоптали, и я иду на таран. Большого мне уже не потерять. Мне все равно.

-Постой! - сменила тон Надежда, внезапно поняв, что то, что сказал Корин, было словами человека, загнанного в угол, которому теперь действительно уже все равно, и чуть подсказало ей, что угрозой таких людей не возьмешь; более того, они сами представляют собой угрозу. - Марина отдалась давать показания. Понимаешь? Ты один. У тебя нет доказательств. Какой смысл...

-Я не верю тебе. Впрочем, я все сказал, - и он повесил трубку.

Он несколько минут стоял в ожидании перед запертым кабинетом отдела дознания. Потертый пол, голые стены... Здесь было неуютно и строго, словно в армейской казарме. Появился старший лейтенант.

-Погоди, - сказал он, - сейчас очную ставку вам устрою. Приведу его.

Рыков шел впереди, на нем были затрапезные штаны, рваная «болонья». Они посмотрели молча друг на друга, отвернулись. Следователь отпер кабинет.

-Присаживайтесь, кому как угодно, - сказал следователь. - В каких отношениях состояли с Рыковым? - задал он вопрос Корину.

-Знакомые.

-А отношения какие?

-Нормальные.

Рыков, когда очередь дошла до него, подтвердил слова Корина. Да, нормальные отношения. Да, между ними никогда не возникало конфликтов. Так оно и выглядит сейчас на бумаге у следователя. Но Рыков недолюбливал его

всегда, за что - бог его знает. Может быть, за то, что Рыков слонялся по тюрьмам, а Корин когда-то учился в институте и поэтому по его понятиям «не видел жизни»? За то, что Марина Полетаева красотка, а Надька так себе?.. Или за что-то другое?

Потом снова начался набивший оскомину допрос. Рыков впервые взглянул на Корина, и его глаза выражали укоряющую просьбу побрататься: «Брось ты, давай замнем, пока не поздно, все мы ведь люди...» Но Корин очень хорошо помнил, что было в его глазах, когда они вдвоем с приятелем шутя избивали его и когда в руках у Рыкова оказалась пустая «бомба». И оказалось, что тот самый Рыков умел разговаривать глазами о чем-то «людском»! Впрочем, Корин перестал удивляться. Выяснилось, что Марина в самом деле отказалась давать какие-либо показания, и больше он не слушал того, что говорил Рыков. Теперь тот мог говорить что угодно.

В тот же день он позвонил ей в общежитие, предложив встретиться. Она, как всегда, проявила точность. Еще издали увидел он ее в городском сквере. На ней был черный плащ из искусственной кожи. Ее вид вызвал у него бурю в душе, его вновь залихорадило. Но он справился с собой.

-Я не просить тебя позвал о чем-то, сразу начал он. - Просто посмотреть тебе в глаза. Сколько бы я отдал, чтобы понять, всего лишь понять тебя! Неужели вот так в один миг можно оплевать все, что было хорошего?

-Просто я не хочу вытаскивать дело в суд, - произнесла она, стараясь выглядеть хладнокровной.

-Но суд-то состоится.

-Я буду молчать, как раньше.

-Я думал, в тебе еще что-то осталось...

-Витя, - показное равнодушие исчезло в ее голосе, - я не хочу суда, позора. Скроем кое-что, запутаем следствие, и суда не будет. Ведь ничего уже не исправишь.

-Кажется, я тебя понял. Ты просто дура, наверное.

Она всхлипнула, смахнула слезы и быстро пошла прочь. Дойдя до поворота, она обернулась, и увидев, что он еще сидит на скамейке, ускорила шаг.

XXI

Промелькнуло несколько дней в ожидании вызовов в РОВД. Апрель подходил к концу. Однажды вечером она позвонила ему.

-Привет, - сказала мирно, спокойно. - У тебя день рождения завтра, вот и звоню... Поздравить хочу.

-Ты уже поздравила меня. Благодарю. Что еще?

-Что ты сейчас делаешь?.. Как себя чувствуешь? О чем думаешь?

-Неужели тебе интересно?

-Да. Чем ты занимался все это время?

-Наслаждался жизнью.

-Почему ты молчишь, скажи что-нибудь, Витя. Я звонила тебе, хотела слышать тебя, но не могла заговорить. Скажи что-нибудь, я прошу тебя,

очень...

-Разве это имеет какое-то значение?

-Знаю, простить меня нельзя... И правильно. Все правильно. Но Витя, мальчик... У меня никого нет на свете, кроме тебя. Никого никогда не было, кроме тебя, слышишь?.. Витенька, мне просто насолить тебе хотелось за всегдашнее твое пренебрежение ко мне, твое высокомерие. Но я не знала, что будет так... Какая ошибка!.. Ты был, и мне казалось, так будет всегда, я не придавала этому значения. Но тебя не стало... и все изменилось. Может быть, что-то еще можно исправить, скажи хоть слово...

«Не знала, что будет так...» «Ошибка...» Как просто ты хочешь жить, как все у тебя легко, - подумал он. - Впрочем, не потому ли ты всегда нравилась мне. И вот то, что тебе нравилось, обернулось против тебя самого. Но есть вещи, которые никогда ничто не сможет изменить, неужели ты не способна понять этого. Черная тень прошлого будет молчаливо стоять у тебя за спиной, она будет гнать прочь ветер света в самые ясные дни. Как бы я хотел вернуть тебя!.. Но жизнь необратима, как реакция расщепляющегося ядра. Твой голос рядом, а тебя - нет. Любовь, жестокость, безумие, расчет... Они могут уместиться в одной и той же личности до тех пор, пока уживаются одно с другим. Но приходит час, и что-то из них взрывается. Однако торжествует лишь любовь. Жестокость - никогда. Она, словно огонь, разрушает дотла, и даже если отродятся подпаленные ростки, они будут искалечены навек.

Теперь ты только призрак. Закрыта дверь; безмолвно струится одинокое время, навсегда унося за собой сердца человеческие...

-Мне больше нечего сказать тебе, Марина, - ответил он. - Прощай.

-И это все?.. - сожаление звучало в ее голосе, сожаление, замешанное на глубоком недоумении.

Еще через несколько дней он в последний раз оказался в отделе дознания. Увидел там Марину. Следователь указал ему рукой на стул, продолжая записывать ее слова.

-В общем, мне больше нечего добавить...- произнесла она и не выдержала: - Ах, во всем я виновата, я...

-Подпишите, Полетаева, - старший лейтенант протянул ей бумагу и снял трубку телефона, так как раздался звонок. Он долго слушал, делая какие-то отметки на листе, потом повесил трубку, вытянул руки на столе, глубоко вздохнул и внимательно и пристально посмотрел на них обоих, прежде чем сказать, казалось, что-то очень важное.

-Вас можно порадовать. Дело закрыто в виду амнистии. Вы свободны.

-Как... Совсем? – робко спросила она.

-Совсем.

Они быстро одновременно встали, словно боясь, что задержись они долее, и следователь возьмет свои слова обратно. Миновали коридор, три этажа лестниц, выход, асфальтированную дорожку.. Не сговариваясь, молча шли рядом, не зная куда.

-Вот видишь, все кончилось хорошо, - вымолвила, наконец, она.

-Тебя вызывали?

-Нет, я сама пришла. Совесть замучила, я спать не могла ночами...

И еще одна, две сотни метров пройдены в молчании. Он смотрел на нее - она была прекрасна, он мог поклясться чем угодно, что она была самой прекрасной женщиной, какую он когда-либо видел. Казалось, окружающее оживало, в нем играли радужные переливы света, однако в глубине неожиданно сильных и нежных чувств к ней, воспламенившихся вопреки воле и уму, таилась гордая отчаявшаяся горечь, не позволявшая ему заговорить с ней.

-Ну что ж, - сказала она тихо, без ожидания и надежды. - Расстанемся.

Еще минуту они стояли, разглядывая друг друга. Она никогда так не одевалась раньше: на ней был красный легкий плащ, из которого выглядывал воротник белого свитера, джинсы, сапожки на тонких скошенных каблуках. Она выглядела незнакомой, таинственной и еще более красивой, чем раньше. Какой-то свет мелькнул впереди на мгновение: казалось, то, что случилось, то, о чем ему говорили - ложь... Затмевающий порыв, который с болью сокрушил и самолюбие, и обиду, и непреклонность, заставил привлечь ее к себе.

-Зачем встретился сейчас с тобой!.. Я все равно люблю тебя и ничего не могу с собой поделать.

-Я не доверяла твоей любви, Витя. Я чувствовала себя оскорбленной. Я думала, что ничего хорошего у нас не выйдет. И вот я решила отомстить тебе тем, что забуду тебя. Но отомстила только себе. Потому что ты только был перед глазами. С ним было недолго, я прогнала его почти сразу же. Мне жить расхотелось без тебя. Я измучилась, никогда не было мне так плохо.

Ее слова заставили его почти испуганно вздрогнуть. Он сморщился, словно в душу проникло нечто холодное, липкое, скользкое, как прикосновение медузы.

-Так значит, это правда... Там, в больнице, я в любой день мог умереть, а ты в это время... Как ты могла?. - он отвернулся. - «Мечь!» - усмехнулся он, внезапно справившись с собой. - Разве так мстят!..

-Помню, в шестнадцать лет я был очень одинок. Скитался вечерами по лицам и мечтал о красавице, с которой мы понимали бы друг друга с полуслова... - сказал он, ни к кому не обращаясь. - И кто знал, что встречу в любви столько порока и отчуждения. что они убьют само это слово, - он замолк и открыто посмотрел ей в лицо.

Она судорожно стиснула его руку, уронила голову на плечо и безудержно зарыдала. Рыдания вызвали в нем смятое, скомканное чувство жалости к ней и злости на самого себя за непрошенность и неуместность этой жалости, желание подавить ее в самом себе, грубо оборвать ее истерику...

Вся жизнь соткана из компромиссов, которые ты так презренно обходил, размышлял он. Ведь жил на какой-то благообразной стерилизованной планете. Так на же, получай правду!... Да, чем-то рано или поздно приходится поступиться. Значит, есть и за что. Значит, есть. Почему же так поздно до тебя доходят такие простые вещи...

Ее слезы вновь помимо воли высекали жалость из сердца. Трудно объяснить, что произошло с ним в тот миг, потому что еще минуту назад он -

непреклонный и решительный, каким всегда представлял себя и каким хотел выглядеть перед друзьями - он готов был твердым, спокойным шагом уйти от нее прочь, и в его спокойствии должно было холодно и ясно прозвучать равнодушное презрение к ее предательству. Но вместо того он схватил ее за руку и крикнул, словно маньяк, окончательно сошедший с ума:

-Уедем отсюда, куда глаза глядят, завтра же, забудем все, жизнь начнется сначала. Уедем, потому что нас никто больше не поймет!.. Скажи только, любишь ли ты меня еще?..

-Не знаю, Витя, - сказала она, ее спокойствие отшатнуло его, сразило почти наповал. - Я глубоко разочаровалась в тебе, в том, что вокруг меня... Нет, все же я люблю тебя, люблю, как раньше... Но теперь это не главное.

-Что же главное?.. Мы любим друг друга, уедем! Все забудется, хоть то, что случилось, так трудно забыть.

-Наша любовь ничего не значит теперь, в ней нет смысла.

-Почему?.. Неправда! Ну говори же!..

-Я... Я никогда не смогу стать матерью, Витя. И в этом виноват ты, ты, ты!..

-Как?! - крикнул он, не веря в услышанное.

Крик потонул в оживленной тишине майского сквера, исчез в его прозрачной пустоте. Собранные на газонах кучки прошлогодних листьев и травы были подожжены, в них сгорал аромат прошлого лета, и белый пепел фонтанами бил вверх, пепел кружил над городом, затмевая голубизну неба, пепел роился в воздухе тысячами мотыльковых стай; потом сильный порыв ветра сбрасывал его вниз, и, пластом распятый на дороге в упрямом и неотвратном ударе, белесо-сизоватым призраком тускло зыблился он по черному свежему асфальту, рассыпаясь в дымчатый прах, бесследно угасая в нескончаемых кварталах улиц.

Ее глаза потухли. В них не было я боли, ни слез. В них только было смирившееся спокойствие и что-то несбыточно ясное и далекое, как в затерянной в небытии утренней мечте детства с запахом летнего ливня, смывающего следы...